

**«КЕРЧЕНСКАЯ КРЕПОСТЬ — ЭТО УЖЕ СОВСЕМ
ДРУГОЙ МИР...»**

**(письма военного инженера Н. В. Лукницкого из Керчи —
отцу в Санкт-Петербург)**

*Подготовка текста, вступительная статья, комментарии к письмам —
Т. Е. Сохор, В. Ф. Санжаровец; оцифровка негативов,
сличение копий и распознавание текста, набор с сохранением авторской
орфографии — В. Н. и К. Н. Ходаковские*

Аннотация: в публикации впервые раскрывается содержание писем русского военного инженера Н. В. Лукницкого, датированных 1868–1870 гг. Они отражают восприятие молодым офицером своего переезда из Петербурга, службы в Керченской крепости, пребывания в городской среде Керчи. Также в них характеризуется состояние Севастополя спустя 13 лет после окончания Крымской кампании.

Ключевые слова: дорога из Петербурга в Керчь, Керченская крепость, военные инженеры, Лагорио, Севастополь.

**«THE FORTRESS OF KERCH IS A COMPLETELY
DIFFERENT WORLD...»**

**(Letters of a Military Engineer N. V. Luknitskiy from Kerch
to his Father in Saint Petersburg)**

*Preparation of the text, an introductory article, comments on letters —
T. E. Sokhor, V. F. Sanzharovets; digitization of negatives,
comparison of copies and text recognition, typing with preservation
of the author's spelling — V. N. and K. N. Khodakovsky*

Annotation: the publication reveals for the first time the content of the letters of the Russian military engineer N. V. Luknitsky, dated 1868–1870. They reflect the perception of the young officer of his move from St. Petersburg, service in the Kerch fortress, stay in the urban environment of Kerch. They also describe the state of Sevastopol 13 years after the end of the Crimean campaign.

Keywords: a trip from Saint Petersburg to Kerch, Military Engineers, Kerch Fortress, Lagorio, Sevastopol.

Старинная петербургская семья Лукницких, до сих пор проживающая в родном городе, сумела сберечь фамильный архив, в котором наиболее ранние документы датируются серединой XIX века [2; 47]. Долгие годы в архиве сохранялись письма Николая Всеволодовича Лукницкого с места службы в крепости Керчь, 160-летие начала строительства которой отмечалось в 2017 г., отчего письма эти — на сегодняшний день единственные в своём роде — приобретают необычайно большую ценность. Адресова-

ны они отцу — Всеволоду Аристарховичу в Санкт-Петербург. Их сохранилось всего восемь и две телеграммы, охватившие период с конца 1867 по начало 1870 г. До середины XX века оригиналы писем находились в семье сына Николая Всеволодовича — Николая Николаевича Лукницкого (1876–1951). Затем письма перешли в собственность старшего внука Н. В. Лукницкого — Павла Николаевича (1902–1973), известного ленинградского писателя, перу которого принадлежит несколько романов, сборников повестей, рассказов и стихотворений, в том числе роман-хроника «Ленинград действует...»; кроме того, он известен как собиратель биографических данных о Николае Гумилёве и Анне Ахматовой. Письма были переплетены, и страницы пронумерованы. Младший брат Павла Николаевича — Андрей, занимаясь историей рода, переписал их тексты в отдельную «чёрную тетрадь». После смерти А. Н. Лукницкого переплетённые письма не были найдены, сохранилась только «чёрная тетрадь».

Неожиданно копии подлинных писем, взятых на негативную 35-мм фотоплёнку, обнаружили в Керчи в фондах Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника [13, № 1685/1–121], благодаря старшему научному сотруднику Н. К. Шепель. Оказалось, что приезжавший летом 1979 г. вместе с супругой в тогда ещё Керченский историко-археологический музей Андрей Николаевич Лукницкий (1904–1987) встречался с научным сотрудником И. С. Кириатовой и (в ответ на её просьбу передать письма музею) предложил скопировать переплетённые и помещённые в тёмную картонную обложку письма и телеграммы, представлявшие большой интерес, в том числе и для истории города. Четыре рулона плёнки под общим названием «Дневник писем Н. В. Лукницкого. 1868 г.», обработанные фотографом А. Д. Бакановым и сданные на хранение [33, л. 30], оставались по разным причинам до последнего момента невостребованными. Оцифровка негативов позволила произвести сравнительный анализ текстов «чёрной тетради» и подлинника, выявить недостатки фотокопирования и максимально точно распознать неправильно прочитанные или неразобранные слова, помещённые в тексте рукописной копии.

Авторы публикации сочли необходимым представить, во всех без исключения письмах, не только содержательные сюжеты, посвящённые переезду из Петербурга в Крым, службе в Керченской крепости, поездкам в Севастополь и Курскую губернию, но и морализующие рассуждения, традиционные стандартные формулы приветствий и прощаний с родными, что может показаться, на первый взгляд, не всегда интересным читателю. Но без этих «окантовок» письма, как образец эпистолярного жанра, потеряли бы свой колорит, не позволили бы в полной мере ощутить дух времени и увидеть перед собой образ конкретного человека — любящего сына и брата, заботливого родственника.

Адресат писем — Всеволод Аристархович Лукницкий, на начало переписки — полковник (с 30.08.1865) по Армейской кавалерии в Запасных войсках [74, с. 545]. В июне 1869 года вышел в отставку «с мундиром и

полным пенсионом» [52, с. 1]. Несколько слов в воспоминаниях оставил о нём внук Николай Николаевич: *«Дед мой Всеволод Аристархович был в молодости офицер Лейб-гвардии Гродненского гусарского полка и имел в Петербурге два каменных дома. <...> Дослужился он до чина полковника и по этому чину получил право на потомственное дворянство, и был со своими детьми занесён в дворянскую книгу Петербургской губернии»* [2]. Доподлинно известно о двух сыновьях — Николае и Всеволоде. Были ли упоминаемые в письмах дочери Варвара и Надежда родными или приёмными — полной ясности нет. Супруга его — Мария Ивановна (урожд. Шахова) — умерла на 25-м году жизни, в 1846 г., когда мальчики были ещё несмышлёными. Сам Всеволод Аристархович дожил до 70 лет и умер 1 сентября 1870 года. Похоронен на Волковом кладбище [82, л. 411].

Автор писем — Николай Всеволодович Лукницкий (11.08.1842–25.11.1889) — прекрасно владел пером, его язык яркий, метафоричный, изредка переходящий в сарказм. Но ценность источника не только в языке, употребляемом автором, а в понимании молодым русским военным инженером, выросшим в интеллигентной столичной семье и получившим очень хорошее для своего времени образование, долга офицера и гражданина перед Отечеством. Поручик, выпускник Николаевской инженерной академии (1864), добравшись до места нового назначения, служит в одной из важнейших приморских крепостей России, живёт в провинциальном городе, бывает в служебных командировках и, оценивая окружающую обстановку, происходящие события, образно, до мельчайших подробностей сообщает об увиденном и пережитом своему отцу Всеволоду Аристарховичу, с которым имеет очень тёплые доверительные отношения с раннего детства.

Судьба связала Николая Всеволодовича с Керчью сначала военно-инженерной службой в крепости, а потом и семейными узами: он породнился с известным в Феодосии и Керчи итальянским семейством, взяв в жёны девицу Ольгу — 18-летнюю дочь местного чиновника, на ту пору коллежского асессора, исправника полицейского управления Феодосийского уезда Иосифа (Осипа) Ивановича Лагорио (28/29.11.1827–22.12.1905) [37, л. 31].

Н. В. Лукницкий был назначен строителем возводимых в крепости укреплений 8 декабря 1867 г., находясь в Петербурге. Незадолго до Нового года начинается его длинное путешествие в Керчь. В первом письме, занимающем около пяти десятков страниц (отснято 45 из 46-ти и, предположительно, четыре страницы потеряны ещё до переплетения писем), с присущим ему чувством юмора, он описывает дорожные приключения. Поездка — железной дорогой, а после Тулы по почтовым трактам — длилась почти три недели. В этом же письме, начатом в день прибытия в Керчь 16 января и отправленном отцу 21 января 1868 г., неделю спустя по прибытии к месту назначения, Лукницкий констатирует: *«До такой степени надоела и утомила меня дорога, что последние станции перед*

Керчью были просто мучительны, и я не мог никак уверить себя, что когда-нибудь прибуду на место». К весне, когда он, устроившись в городе, обвыкся на службе, от его усталости не осталось и следа.

Приехав в Керчь, Лукницкий со столичным скептицизмом подмечает отличия провинциального города и его жителей от Санкт-Петербурга. *«Проживши в Керчи несколько лет, можно свыкнуться с нею и быть вполне довольным»*, — пишет он отцу. Автор скучает по дому и с головой уходит в работу, сохраняя «столичные островки» в виде встреч со своими однокашниками и походами в театр. Не все молодые офицеры рвались в Петербург. Друг Лукницкого — Митрофан Черкасов, женившийся первым из академической братии, надолго свяжет свою жизнь с Керчью, хотя и не перестанет в дальнейшем бывать в столице.

За время шестилетней службы в Керчи Лукницкий получает сначала звание штабс-капитана (30.08.1868), а ровно через три года производится в капитаны. 6 октября 1871 года сочетается браком в городском Свято-Троицком соборе с уже упомянутой Ольгой Иосифовной Лагорио [19, л. 187об., 188]. В январе 1874 г. приказом по Инженерному корпусу переводится в Кавказский военный округ, где служил прежде, сразу после окончания академии. В мае Николай Всеволодович едет с женой, которая уже была тяжела ребёнком, в Тифлис, и в сентябре в семье появляется дочь Вера, потом ещё трое сыновей: Николай, Борис и Владимир.

Семья военного инженера-строителя не раз меняла место жительства. После службы в Окружном инженерном управлении в должности старшего адъютанта Н. В. Лукницкий в 1875 г. получает, там же в Грузии, назначение на должность начальника Закатальской инженерной дистанции, затем в 1880 г. Лукницкий — уже полковник — был переведён в Киевское крепостное инженерное управление, через 1,5 года — в Бобруйское крепостное инженерное управление (Белоруссия) [47, с. 294–295].

В сентябре 1889 г. Н. В. Лукницкого увольняют по болезни со службы с производством в генерал-майоры. В характеристике Военного министерства было отмечено, что он *«отличался выдающимися способностями и всегда с полным вниманием относился к возлагавшимся на него весьма серьёзным обязанностям по строительной части»* [47, с. 382].

С момента отъезда семьи Лукницких из Керчи связь с Крымом поддерживалась при помощи переписки. После смерти мужа Ольга Иосифовна в 1890 г. перебирается в Петербург с двумя малолетними детьми, дочь Вера остаётся учиться музыке в Вильно, а сын Николай — в Полоцке, кадетском корпусе. Летом 1898 г. Ольга Иосифовна посетила Керчь, приехав в гости к родному брату, военному инженеру-строителю Георгию Лагорио, только что переведённому по службе из Севастополя в Керченскую крепость. В письме к сыну Коле о своём пребывании в городе она констатирует: *«Вообще фамилию Лагорио встречают с распростёртыми объятиями»* [2].

Родственные связи с годами ослабели, молодые поколения Лагорио либо уехали из Крыма, поселившись в Петербурге, Москве, Киеве и Юзовке (ныне Донецк), либо просто были не знакомы. Вышеупомянутый внук

Н. В. Лукницкого Павел Николаевич, много путешествовавший по Крыму в 1920-е годы, уже не находил здесь своих родственников.

Несмотря на жизненные сложности, Ольге Иосифовне удалось воспитать детей в большом почитании к отцу. На момент смерти Н. В. Лукницкого дочери было 15, а младшему сыну Владимиру — 7, но все дети хранили память о покойном родителе и старались на него равняться. В письме брату Николаю в 1892 г. в Полоцк воспитанник Санкт-Петербургского 2-го кадетского корпуса Владимир сообщает, что его зачислили в то же учебное заведение, выпускником которого был их отец — Николай Всеволодович: *«Я знаю, где папа сидел, он не записан на доске первым учеником, а он был второй. Затем, образ в столовой остался тот же, который был и при папе. Это я всё узнал от папиного товарища, который привёз своего сына держать экзамен, и я его встретил в 2-ом корпусе»* [2]. Сын Николай, расспрашивая об отце своего дядю, Георгия Иосифовича, получает такую характеристику: *«Это был редкий честный человек и кроме того у него был всесторонний недюжинный ум»* (1893) [2].

Николай Николаевич старался быть похожим на отца во всём, в том числе и в манере писать письма. Увидев в отцовских письмах систему помет с номерами и отметками о получении адресатом, он скопировал её уже в своих письмах из кадетского корпуса маме Ольге Иосифовне в Петербург и дедушке Иосифу в Феодосию и Таганрог, сохранив эту привычку на всю жизнь. А традицию продолжил внук — Павел Николаевич, сделав семейные письма легко узнаваемыми и удобными для исследования.

Восемь писем и одна телеграмма (письмо 8) из коллекции музея-заповедника публикуются впервые и без купюр на основании фотокопий. Анализ отснятого материала показал, что переплетённые письма имеют «сбитую» нумерацию (письма 5 и 7) и частичные утраты листов (письма 1, 9, 11), а также полностью отсутствует письмо 2 и ещё одна телеграмма (письмо 10). Сохранившиеся записи в «чёрной тетради», имеющие небольшие разночтения с фотоподлинником, позволили восстановить не отснятые листы письма 11 и телеграмму. Восстановленный текст также помещён в публикацию, заключён в квадратные скобки и особо оговорён в примечаниях.

Некоторые письма писались автором в несколько приёмов, что становится понятным из текста. Орфография писем сохранена в авторской редакции в соответствии с правилами русского дореволюционного правописания и грамматики.

Курсивом выделен текст, в письмах подчёркнутый автором. Угловыми скобками с многоточием отмечены пропуски текста.

Помимо этого, в квадратные скобки заключены расшифрованные слова или их части, по разным причинам недописанные автором, а также пометы на письмах, произведённые рукой адресата. По окончании каждой воспроизведённой страницы текста писем в фигурных скобках помещены номера в соответствии с сохранившимся подлинником.

Информационное сопровождение текстов писем состоит из:

- 1) редакционного заголовка к письмам с указанием автора и адресата, их местонахождения и дат документа (дата отправления и получения);
- 2) легенды документа, содержащей поисковые данные текста;
- 3) реального комментария, размещённого в конце публикации.

Все даты в предисловии, тексте писем и комментариях до 1 (14) февраля 1918 г. даны по старому стилю.

* * *

Коллекцию документов предваряет на листе без номера заглавный текст, написанный с использованием старой русской орфографии, очевидно, автором переплёта Павлом Николаевичем Лукницким: «*Николая Лукницкаго. Письма Отца его Николая Всеволодовича Лукницкаго Отцу своему (Дядушкѣ Николая Николаевича Лукницкаго) Всеволоду Аристарховичу Лукницкому. Во время пребыванія Н. В. Лукницкаго в Керченской крѣпости*».

Н. В. Лукницкий — В. А. Лукницкому,
Керчь, 16–21 января 1868 года — Санкт-Петербург,
февраль 1868 года¹.

<...>²

Недалеко отъ меня на нижней кровати помѣстился какой-то господинъ, какъ въ послѣдствіи оказалось, нѣмецъ — преуморительной фізіономіи и пресердитый; на головѣ красный ночной колпакъ съ чернымъ хвостикомъ. Не желая еще спать, онъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, но такъ какъ сверху его кровати была устроена другая, то онъ сидѣлъ, согнувшись; долго онъ разговаривалъ самъ съ собою, ворчалъ что-то, пыхтѣлъ и, вѣроятно, имѣлъ несчастіе понравиться молодому купчику, занимавшему кровать надъ нимъ; послѣдній, завидя подъ собой сердитаго нѣмца, вознамѣрился съ нимъ пошутить: возьми, да и спусти ноги. Нѣмецъ, увидавши передъ глазами два каблука, посмотрѣлъ наверхъ и промычалъ: «Пошалуста, Ви господинъ, двиньсь право», т. е. подвиньтесь вправо; купчикъ исполнилъ его желаніе, но началъ болтать ногами, болталъ, болталъ, да и попалъ нѣмцу по носу... но сейчасъ же сказалъ: ахъ, pardon monsieur! Нѣмецъ извинилъ. Но купчикъ не унимался: послѣ вторичнаго удара въ носъ, нѣмецъ вскочилъ, разсвирѣпѣлъ и на ломаномъ русскомъ языкѣ разразился ругательствами, обращенными къ {С. 65} купчику и къ русскимъ желѣзнымъ дорогамъ, изъясняя при этомъ, что онъ никогда въ жизни оскорбленій не выносилъ и поэтому будетъ просить начальника разъединить его съ пьянымъ русскимъ. Когда же купчикъ заговорилъ по-нѣмецки, то нѣмецъ, будучи въ состояніи выразаться свободно, чуть не съѣлъ купчика; брань пошла неудержимая, крупная; поднялся такой гвалтъ, что не только спать, но и такъ сидѣть было невозможно. Мы всѣ, чтобы прекратить это дѣло, могущее кончиться омерзительно, приняли сторону нѣмца и просили оберъ-кондуктора развести ихъ.

Это самый крупный куръезъ желѣзной дороги; остальной путь до Москвы былъ благополученъ и мелочныя происшествія его я забылъ, вслѣдствіе того, что испыталъ на остальномъ пути до Екатеринослава³, въ самое короткое время, слишкомъ много сильныхъ и разнородныхъ впечатлѣній, изъ которыхъ почти всѣ непріятнаго свойства.

Въ Москвѣ я остановился въ гостиницѣ Мамонтова⁴, переночевалъ и утромъ въ 11 часовъ по желѣзной дорогѣ двинулся на Тулу⁵. {С. 66}

Ты, конечно, спросишь: почему же я не заѣзжалъ къ дядѣ генералу⁶? Особенно важной причины какой-нибудь не было. Просто не слѣдовало по порядку вещей: денегъ, какъ ты знаешь, у меня съ собой очень мало, почти въ обрѣзъ, и тратить на извозчиковъ рубля 2 не изъ чего было; а какъ при этомъ я къ нему особенно родственныхъ чувствъ не имѣю, его же пріязнь, думаю, на этотъ разъ еще меньше будетъ и цѣнность ея приблизительно выразится... ну, въ 3^{хб} грушахъ, то издержка 2^{хб} рублей не окупится и расходъ этотъ будетъ *непроизводительный*, т. е. *безполезный* (по собственному выраженію генерала). Однимъ словомъ, въ силу самыхъ глубокихъ соображеній оказалось, что ѣхать не стоить, а лучше торопиться впередъ.

Воображаю, какое сильное желаніе будетъ у петербургскаго дядиньки прочитать мнѣ, крошечному ребеночку, новую мораль по поводу этого второго необдуманнаго неродственнаго поступка; вѣдь это въ самомъ дѣлѣ ужасно: *не заѣхать къ генералу на поклонъ за тремя грушами, которыя могутъ пригодиться въ дорогъ!!...* {С. 67}

Да и почему знать — вѣдь говорятъ же, что отъ копѣчной свѣчки Москва сгорѣла: быть можетъ, эти 3 груши составили бы всю мою карьеру; быть можетъ, онъ меня такъ выдвинулъ бы, такъ выдвинулъ, что... нѣтъ, да объ этомъ даже и думать страшно. Непростительно — глупо-сь, молодой человѣкъ!

До Тулы 180 верстъ, которыя я проѣхалъ къ 6^{ти} часамъ вечера и, взявши вещи, вошелъ въ буфетъ. Вотъ тутъ-то, съ этого-то времени и начинаются главныя мои бѣдствія.

Руководимый желаніемъ меньше издержать денегъ, чтобы ихъ хватило до Керчи, я сталъ вынюхивать по залу попутчиковъ до Курска⁷ и, послѣ немалыхъ усилій, при помощи какого-то кондуктора вынюхалъ барыню, которая, не узнавши еще, что я, куда я, ухватилась за пальто обѣими руками и рѣшила безъ меня, *что гдѣмъ*.

— Да Вы одни?

— Нѣтъ, со мной племянница.

— Гдѣ же она?

— Да вонъ она стоитъ въ залѣ.

Смотрю: прелестнѣйшее, молодое, граціозное, гибкое, какъ тополь, созданіе, съ синими на глазахъ очками, ходитъ и покуриваетъ {С. 68} папирску. Ну, думаю, нигилистка!

Подошелъ, расшаркнулся, говорю такъ-то и такъ-то. Намъ, говорить, очень пріятно.

Мнѣ, говорю, вдвое, а самъ думаю, что это за странное обстоятельство: одѣты очень недурно; обѣ, въ лисьихъ салопахъ⁸ — люди, вѣрно, съ состояніемъ, по ухваткамъ, сомнѣнія нѣтъ, что не камелии⁹, — что же онѣ такъ ухватились за меня? Поведу, думаю, на всякій случай дѣло осторожно.

А барыня болтаетъ и болтаетъ, бѣгаетъ, суетится, дѣла не говоритъ, а беспокоится насчетъ экипажа.

— Да что вы? — спрашиваю.

— Да мы наймемъ возокъ.

— Но вѣдь это будетъ очень дорого стоить, а вы хлопчете о попутчикѣ — тутъ смысла нѣтъ.

— Такъ мы поѣдемъ въ дилижансѣ.

— Зачѣмъ же, Боже мой, вамъ тогда попутчикъ?

— Каждый за свое мѣсто платить!

Барыня оказалась безъ всякаго соображенія.

— Да какъ же сдѣлать? Я хотѣла бы сейчасъ же ѣхать дальше.

Разговоръ такого содержанія происходилъ до тѣхъ поръ, пока въ залѣ не потушили всѣ огни {С. 69} и даже сторожа разбрелись по домамъ.

— Вотъ видите, говорю, до чего вы довели вашими разговорами, сыщите теперь въ темнотѣ ваши вещи. Боже мой! Это что такое?

— Это коробки изъ Петербурга.

Вообрази, весь уголь зала былъ наполненъ картонными коробками всевозможныхъ размѣровъ и съ этой-то дрянью она ѣдетъ с лишкомъ 300 верстъ на Курскъ. Она не могла сообразить, что такъ вещи не возятся, что эти шляпки, бурнусы¹⁰ и проч. обратятся на первой сотнѣ верстъ въ мокрѣя лѣпешки. Не мое это дѣло, думаю, молчу. Провозился я съ ней еще полчаса въ темнотѣ, наконецъ, уговорилъ ѣхать и потолковать обо всемъ обстоятельно на станціи. Помѣстились въ почтовой гостиницѣ «Лондонъ» въ одномъ номерѣ. Тетка оказалась Людмилой Скорняковой, а племянница — Марьей Ивановной Селиховой. Были въ Петербургѣ, а теперь возвращаются въ Курскъ. Денегъ, видно, осталось отъ петерб[ургской] жизни не много, и боятся не доѣхать. Я успокоилъ и сказала, что платить буду вплоть до Курска я, а тамъ рассчитаемся. Мнѣ такъ дорогъ былъ каждый {С. 70} попутчикъ, будь онъ хоть самъ Вельзевул¹¹, что я имѣлъ терпѣніе выдержать всѣ приставанія ея до утра, когда рѣшено было выѣхать. Я сбѣгалъ въ контору и пришель сказать ей всѣ условія пути: я плачу 3^ю часть, сани большія для троихъ, за коробки не отвѣчаю и проч. Барышня оказалась хорошенькой и не нигилисткой. Въ 5 часовъ утра поднялъ ихъ, и мы двинулись.

Врагъ рода человѣческаго только можетъ присовѣтывать ѣхать съ барынями. Боже мой! Это пытка, пытка нравственная и физическая, это наказаніе даже для галерника! Ахъ! не ловко сидѣть! Ахъ, жестко, ахъ! ахъ! тѣтинька, да я упаду и проч. и проч. всю дорогу вплоть до Курска на протяженіи 320 верстъ. Къ этому присоединяются крики на всѣ лады и тоны, когда кибитка попадаетъ въ ухабъ и покачивается на бокъ, а такъ какъ

дорога отъ Тулы до Фатежа¹² вся состоитъ изъ чрезвычайно глубокихъ ухабовъ, происшедшихъ неизвѣстно отъ чего, то крики эти были почти безъ антрактовъ, и дуэть alto съ *soprano*¹³ былъ неподражаемъ. Я сѣлъ въ середину между ними, держалъ обѣихъ, и все-таки орутъ во всю ивановскую. {С. 71}

Керчь, 17 января.

До такой степени надоѣла и утомила меня дорога, что послѣднія станціи передъ Керчью были просто мучительны и я не могъ никакъ увѣрить себя, что когда-нибудь прибуду на мѣсто. Прочтя дальнѣйшее мое путешествіе отъ Курска, ты вполне повѣришь мнѣ, что дорога эта стоила мнѣ дорого, не въ денежномъ отношеніи, а относительно здоровья, на которое немалое вліяніе оказывало постоянно раздраженное и дурное расположеніе духа, скверная пища, еще болѣе скверный сонъ и проч. — всѣхъ неприятностей не перечесть. — За одну дорогу эту я смѣло долженъ быть въ Царствіи Небесномъ.

Я остановился на томъ, что барыни, которыми наградила меня Господь Богъ въ Тулѣ, составляли только начало той пытки, которая еще предстояла впереди. Довезъ ихъ до Курска почти въ полумертвомъ видѣ, съ измятыми, разломавшимися коробками, а самъ отправился на станцію, хотя онѣ и приглашали меня остановиться у нихъ. — За 45 к[опѣекъ] занялъ комнату, приказалъ старостѣ отыскать мнѣ попутчика до Харькова¹⁴, наѣлся {С. 72} и легъ спать, а на другой день отправился къ милымъ попутчицамъ сводить счеты. Это было 1го января. Ну, думаю, хоть денекъ отдохну — не тутъ-то было: увѣряю тебя, Папа, въ продолженіе дороги, не было ни одной минуты, когда я бы чувствовалъ себя совершенно спокойнымъ. Кажется, чего бы проще, придя первый разъ въ незнакомый домъ, съ намѣреніемъ пообѣдать, думать, что отдохнешь хотя на нѣсколько часовъ отъ дороги — злой духъ меня преслѣдовалъ и тутъ: я былъ въ продолженіе цѣлаго дня свидѣтелемъ неприятныхъ семейныхъ сценъ между мужемъ и женою, изъ которыхъ первый кричалъ, а вторая падала въ обмороки — я сидѣлъ съ барышней и однимъ молодымъ челоуѣкомъ въ другой комнатѣ, но раздирающія сцены, происходившія въ другихъ комнатахъ, при плачѣ и ревѣ дѣтей, дѣлали мое присутствіе въ этомъ домѣ до того щекотливымъ, что я собирался уйти, и только настоятельныя просьбы принудили меня остаться у нихъ обѣдать. Изъ-за чего у нихъ было дѣло, неизвѣстно, но, надо полагать, что жена (моя попутчица) въ свое отсутствіе нашла въ домѣ важные {С. 73} безпорядки, виновникомъ которыхъ былъ мужъ. — Въ 11 часовъ вечера я наконецъ съ ними распростился и, придя въ свой номеръ на станціи, нашель тамъ попутчика до Харькова, купца Лепешкина. Надо тебѣ сказать, что съ 4го числа открывалась въ Харьковѣ ярмарка, и только благодаря этому я такъ скоро пріобрѣлъ попутчика. Мнѣ мало было дѣла до того, что за особа будетъ со мной ѣхать — мнѣ важно было сберечь даже рубль, и теперь, пріѣхавъ въ Керчь, я совершенно ясно уви-

даль, что безъ попутчиковъ отъ города до города я дальше Екатеринослава не уѣхалъ бы.

Купецъ Лепешкинъ занимался изготовленіемъ водочныхъ эссенцій и въ видѣ пробы везъ съ собой 3 бутылки эссенцій краснаго цвѣта — упоминаю объ этомъ обстоятельстве потому, что на одной изъ станцій всѣ три бутылки разбились и мой ящикъ съ гигрометрами¹⁵ получилъ красный цвѣтъ.

Какъ водится, безъ потери вещей не обошлось: въ городѣ Черни¹⁶, во время путешествія съ барышнями, у меня пропали подушки, а передъ самымъ Курскомъ потерялъ большой шарфъ. {С. 74} Въ самомъ Курскѣ забылъ портсигаръ и передъ Екатеринославомъ потерялъ черныя перчатки. Жаль только подушекъ, безъ которыхъ мнѣ было очень неудобно ночевать на станціяхъ. Выѣхавши изъ Курска вечеромъ по отличной санной дорогѣ и морозѣ градусовъ въ 10, я въ первый разъ почувствовалъ, что пальто мое и то, что подъ нимъ надѣто, не спасаетъ меня отъ холода, въ случаѣ если есть вѣтеръ. На 3^{ей} станціи¹⁷ отъ Курска я промерзъ порядкомъ — это было часу въ 3^{мь} ночи, а такъ какъ къ утру дѣлается гораздо холоднѣе, то я уже безъ церемоніи обратился къ купцу Лепешкину и спросилъ, нѣтъ ли у него чего теплаго — онъ мнѣ вытащилъ новую бѣличью шубу, которую я ему уже не отдавалъ вплоть до Харькова. Огромный съѣздъ купцовъ со всѣхъ сторонъ на ярмарку соблазнилъ и меня, и я, подѣзжая къ Харькову, до котораго отъ Курска 212 верстъ, мысленно рѣшилъ, во-первыхъ, отдохнуть дня 2, а во-вторыхъ, посмотрѣть на ярмарку — желаніе тоже, какъ видишь, самое простое. Проѣхавши всю ночь, мы 2го января часовъ въ 9 вечера пріѣхали и остановились въ лучшей гостиницѣ. Я выпилъ водки, {С. 75} такъ какъ у меня нѣсколько болѣлъ животъ, приказалъ затопить печь, напился чаю и въ состояніи человѣка, который только что началъ поправляться послѣ сильной и тяжелой болѣзни, отправился спать на очень хорошую постель. Вотъ, думаю-то, высплусь славно; завтра встану съ новыми силами, посмотрю городъ, ярмарку, хорошенько пообѣдаю — вѣдь въ дорогѣ ничего не было питательнаго отъ самой Тулы, только вотъ у барынь въ Курскѣ пообѣдалъ, но очень наскоро... Убаюкивая себя этими мыслями и этими желаніями, которыя при всей своей простотѣ и естественности должны были бы непремѣнно исполниться, а мнѣ послѣ дороги ничего лучшаго и не надо бы было, какъ ихъ исполненіе — я заснулъ чрезвычайно крѣпкимъ сномъ. Утромъ всѣ сладкія вечернія мечты разлетаются прахомъ: я просыпаюсь и чувствую, что не въ состояніи не только встать, но даже пошевелить головою. Такой невыносимой головной боли я никогда не чувствовалъ. Съ Лепешкинымъ, который заснулъ на диванѣ, та же исторія. Очевидно угаръ, думаю. Призываю, ударомъ сапога въ стѣну, человѣка. {С. 76}

— Здѣсь угаръ былъ вчера, говорю, я не могу встать отъ головной боли.

— Никакъ нѣтъ-съ; это вы, вѣроятно, отъ самовара, долго сидѣли-съ; господинъ купецъ, очень значить, долго пили, а можетъ, оно что и попало

въ самоваръ. А насчетъ угара, у насъ, помилуйте, самый что ни на есть здоровый номеръ, да и печи во всей гостиницѣ очень хорошія.

Однимъ словомъ, увѣрилъ меня совершенно, что главная всему причина самоваръ, и надо тебѣ сказать, что я вполне убѣдился, что не печи виноваты. Правда, въ номеръ выходятъ двѣ печи, но отдушники у обѣихъ по *закрытіи трубы* не отворялись — были закрыты плотно; топочныя отверстия, т. е. откуда дрова кладутъ, тоже у обѣихъ печей были не въ нашемъ номерѣ. Самоваръ, какъ причина, тоже оказался сомнительнымъ, и я всю вину головной боли свалилъ на разстройство желудка — хватилъ кастороваго и остался въ кровати. Это было 3го января. Боль была такъ сильна, что даже къ вечеру 3го числа не прекратилась, продолжалась всю ночь и весь день 4го января, который я тоже пролежалъ въ кровати. {С. 77} Къ вечеру 4го числа боль стала не то чтобы проходить, а какъ-то тупѣе; я легъ спать, но часа черезъ 2 вскочилъ съ кровати и выбѣжалъ въ коридоръ — боль возобновилась и вдвое сильнѣе, чѣмъ прежде. Кричу: человекъ! Является.

— Печки у васъ топятся теперь?

— Недавно закрыты-сь.

Я выругался самымъ лучшимъ образомъ, потому что теперь моя трехдневная головная боль объяснялась тѣмъ, что меня 3 дня держали въ комнатѣ съ угаромъ. Я приказалъ немедленно меня перевести въ холодный номеръ, подать уксусу и кой-какъ промаялся на постели до утра. Во время нахождения моего въ «здоровомъ» номерѣ, со мной случилось происшествіе, которое, несмотря на страшную боль, размѣшило меня въ томъ отношеніи, что въ самыхъ пустыхъ вещахъ я терпѣлъ неудачи всю дорогу. Ужъ кажется, {С. 78} что бы больше: человекъ лежитъ въ кровати, у него невыносимая боль, тѣ немногія деньги, которыя нужны на дорогу, издерживаются на бесполезную жизнь въ харьковской гостиницѣ — кажется, довольно неприятностей. Такъ нѣтъ же, мало: захотѣлось мнѣ на дворъ; съ большими усилиями поднимаюсь съ кровати, беру съ полу горшокъ, уже слегка наполненный, ставлю на кровать и осторожно сажусь. Въ самый разгаръ дѣйствія кастороваго чаша разлетается пополамъ, все содержимое остается въ кровати, а въ содержимомъ сижу я.

Обстоятельство скверное, но я расхохотался во все горло, такъ что вбѣжалъ человекъ. Я просилъ его все прибрать и сказалъ, что за горшокъ заплачу.

Не удалось мнѣ видѣть ярмарку, издержалъ, по моимъ деньгамъ, много и выѣхалъ 5го числа изъ Харькова, который оставилъ по себѣ такое приятное впечатлѣніе.

Отъ Харькова до Екатеринослава, опять Всевышній послалъ мнѣ попутчика въ видѣ какого-то повара-мѣщанина. Въ Харьковѣ, когда мы выѣхали, сильно таяло, и хотя мы двинулись на саняхъ, но дорога стала уже не та, какъ до Харькова. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже виденъ былъ песокъ — значить снѣгъ стаялъ, а послѣднюю станцію¹⁸ передъ Ека- {С. 79} теринославомъ насъ посадили на колеса. Чѣмъ ближе къ Екатеринославу,

тѣмъ дорога становилась все хуже и хуже — шель дождь, не дождь, а какая-то сырость, снѣгъ быстро стаиваль, и надо было опасаться за Днѣпръ¹⁹, который приходилось переѣзжать у Екатеринослава. Почти на половинѣ дороги между Екатеринославлемъ²⁰ и Харьковомъ около Дмитровской станціи²¹ насъ захватила въ полѣ снѣжная метель, вѣтеръ былъ до того пронзителень и рѣзокъ, что я совершенно окоченѣлъ, и не знаю уже, какъ живой добрался до станціи: дорогу замело, и мы по этой метели подвигались почти шагомъ. По приѣздѣ на первую же станцію я отвязалъ отъ чемодана коверъ и рѣшилъ на будущее время закрываться имъ. До Екатеринослава тоже около 212 верстъ; къ вечеру 6го числа мы стали подѣзжать къ городу, переправа передъ которымъ черезъ Днѣпръ, при ширинѣ его въ 1½ версты и при ненадежной крѣпости льда, сильно меня беспокоила: если только ледъ слабъ, то весьма легко могли бы и приостановить {С. 80} переправу на неопредѣленное время; спрашивается, чѣмъ же бы я тогда жилъ, можетъ быть мѣсяць, и какъ бы доѣхалъ при моихъ деньгахъ? На каждой станціи я аккуратно разспрашивалъ о томъ, въ какомъ состояніи Днѣпръ, и отвѣты были вездѣ, даже на послѣдней станціи передъ Екатеринославомъ, одинаковы: что переправа еще есть, но уже опасна. Изъ огня да въ полымя — ужъ лучше бы ея совсѣмъ не было; все лучше остаться безъ денегъ, чѣмъ очутиться подо льдомъ. Опасенія въ прочности льда было тѣмъ возможнѣе, что Днѣпръ замерзаетъ совершенно особеннымъ образомъ, чѣмъ, наприимѣръ, Нева²² и др. рѣки — онъ замерзаетъ отдѣльными льдинами, находящимися въ различныхъ положеніяхъ, безъ общей связи, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ толщина льда бываетъ 3 и 4 аршина, въ другихъ же — 2 и 3 вершка, смотря по тому, въ какомъ положеніи остановилась льдина. Душа уходила въ пятки, когда подѣзжали къ Днѣпру; на вопросъ мой, обращенный къ ямщику: «Не опасно ли переѣхать», — я получилъ весьма неутѣ- {С. 81} шительный отвѣтъ: «А что Богъ дастъ». Наконецъ, берегъ и спускъ на ледъ; у спуска стоитъ стражъ, должно полагать, наблюдающій за переправой, темнота непроглядная, на душѣ скверно, въ головѣ вертится фраза: «Что Богъ дастъ», а тутъ еще дернуло стража, когда лошади только стали спускаться, проговорить: «Ну, помоги вамъ Боже!» Нѣтъ! Это уже изъ ряда вонъ, я соскочилъ съ повозки и объявилъ, что пойду черезъ Днѣпръ пѣшкомъ. Повозка спустилась — ее не видать въ темнотѣ, но я иду сзади и прислушиваюсь, звенить ли колокольчикъ — живы ли лошади. Попутчикъ мой шагаетъ по водѣ рядомъ со мной. Путешествіе на протяженіи 1½ верстъ по водѣ не могло не имѣть вліянія на меня, такъ какъ теплые большіе сапоги промокли совершенно, да и войлочные пострадали. Слѣдствіемъ этого былъ, во-первыхъ, кашель съ насморкомъ въ Екатеринославлѣ, во-вторыхъ, то обстоятельство, что сапоги уже перестали держать тепло, и всю слѣдующую дорогу ноги мерзли самымъ {С. 82} непозволительнымъ образомъ.

Днѣпръ пройденъ, и мы въ Екатеринославѣ. Я остановился въ гостиницѣ и рѣшился быть тамъ до 11 числа, къ какому времени долженъ былъ

приѣхать сюда же и капитанъ Дмитрюковъ²³, керченскій офицеръ, ѣхавшій изъ Петербурга. Я его видѣлъ въ Орлѣ²⁴, и мы условились съѣхаться въ Екатеринославѣ. Я сообразилъ, что, хотя жить въ гостиницѣ 7, 8, 9, 10 и 11 числа, т. е. 5 дней, и очень дорого, но въ виду того, что отсюда уже будутъ прогоны²⁵ половинчатые, выгоднѣе было ждать. Спрашивается, что было дѣлать безъ денегъ въ Екатеринославѣ эти 5 дней? Паршивый городъ, съ дрянными домишками, наполненный жидами²⁶ до невозможности, я осмотрѣлъ въ полчаса: въ единственной книжной лавкѣ не могъ достать или хоть посмотрѣть карты Россіи, и для этой цѣли долженъ былъ ходить на телеграфную станцію²⁷. Осмотрѣвши городъ 7^ю утромъ, остальной день, а также все 8^е число, сидѣлъ въ номерѣ, ѣлъ и спалъ. На 9^е тоска взяла свое: послалъ за жидами и велѣлъ искать попутчика; черезъ полчаса являются и объявляютъ: {С. 83} есть фургонъ на вольныхъ лошадяхъ, отправляющійся въ Мелитополь²⁸, ѣдетъ еврей-купецъ, а фургонъ и лошади принадлежатъ тому, который везетъ и котораго купецъ нанялъ. Спрашиваю, сколько же съ меня купчина хочетъ? Говорятъ 20 рублей — я выгналъ всѣхъ жидовъ вонъ. Вѣдь это хоть кого взбѣситъ: до Мелитополя 222 версты, слѣд[овательно], если я поѣду одинъ, безъ попутчика, то это мнѣ стоитъ 11 руб. 10 коп. Я жидовъ прошу сыскать мнѣ попутчика, очевидно, хочу, чтобы стоило 5 р. 55 [к.], а они, подлецы, ломаютъ 20 руб. Пошелъ, опять разсерженный, объѣдать; пообѣдалъ и легъ спать, только что задремалъ, въ дверь просовывается жидовское рыло: «А сто позалуете?» — 5 р. 55 к., отвѣчаю. Рыло прячется, въ коридорѣ идетъ часъ шепотня, и рыло опять въ двери: «14 рублей» — Вонъ! Эта исторія началась съ 9^{ти} утра и только въ 3 часа, послѣ троекратнаго изгнанія жидовъ, мы поладили на 8 рубльяхъ, съ тѣмъ, чтобы 1 руб. жидамъ за факторство²⁹. Выгадалъ я немного, но оставаться не могъ. {С. 84} Я оставилъ Дмитрюкову записку, въ которой объяснялъ, что по разнымъ причинамъ не могу его ждать въ Екатеринославѣ, а если онъ будетъ ѣхать скоро, то застанетъ меня въ Мелитополь, такъ какъ я ѣду въ фургонѣ, который подвигается впередъ медленно, будучи на однихъ и тѣхъ же лошадяхъ. Увы! Такой ужъ медлительности, какую я испыталъ, я уже и не ожидалъ; дорогу, состоящую вплоть до Мелитополя изъ черноземно-глинистаго грунта, распустило совершенно, и этотъ переѣздъ на дряннѣйшее разстояніе 222 версты я никогда не забуду.

Фургонщикъ, русскій мелитопольскій мужикъ, кромѣ меня, захватилъ еврея Хотинскаго, очень молодого челоуѣка, да еще прихватилъ 30 пудовъ сахару. Кой-какъ уложили мои вещи и двинулись. На предстоящемъ пути, который уже началъ тянуться по степямъ, должны были встрѣтиться только 2 города: Александровскъ³⁰ и Орѣховъ³¹. Однѣ и тѣ же лошади, конечно, уже не могли дѣлать столько верстъ, сколько бы дѣлали почтовые, какая бы ни была дорога, а она, какъ назло, стала отвратительная. {С. 85}

Къ этому присоединилось еще удовольствіе останавливаться для ночлега, не на почтовыхъ станціяхъ, гдѣ все-таки есть для этого нѣкоторыя удобства, а на постоянныхъ дворахъ. Выбрались мы изъ Екатеринослава

въ 4 часа пополудни въ понедѣльникъ и, сдѣлавши 30 верстѣ, остановились на постояломъ; но это было самое большое число верстѣ, которое мы сдѣлали сравнительно съ другими днями; на другой день сдѣлали только 50 верстѣ въ сутки, въ среду — только 25 верстѣ, а въ четвергѣ сдѣлали 10 верстѣ и, приѣхавши въ Орѣховъ утромъ, дальше ѣхать не могли, потому что грязь сдѣлалась до того густа и липка, что на колесахъ образовывались огромныя комья грязи, и наконецъ они перестали ворочаться — это было въ четвергѣ. Такимъ образомъ, до Орѣхова разстояніе въ 95 верстѣ мы дѣлали 3 дня, но если бы и эти 3 дня дѣло заключалось только въ томъ, что мы тихо ѣхали, то это была бы еще не бѣда; бѣда въ томъ, что и на этомъ-то разстояніи бывали пренепріятныя остановки вродѣ слѣдующей: выѣхавъ изъ Александровска, фургонщикъ очень старательно выбиралъ дорогу и, чтобы меньше налипало на колеса грязи, поѣхалъ по канавѣ — лошади напрягали всѣ силы, что[бъ] {С. 86} хотя еле-еле подвигать фургонъ, но на 3^{ей} верстѣ стали, потому что фургонъ ушелъ въ грязь по ступицу; къ четыремъ лошадямъ, везшимъ фургонъ, припрягли еще 2, находящіеся сзади для запаса, и этотъ шестерикъ очень хорошихъ лошадей ничего не могъ сдѣлать. Намъ предстояло простоять здѣсь до тѣхъ поръ, пока наступитъ весна и грязь высохнетъ. Выручили насъ колонисты-нѣмцы, которые припрягли еще тройку, а сами сзади приподняли фургонъ; вылѣзли изъ грязи мы и тихонько пошлелись впередъ. На 14 верстѣ — мостъ, но мостъ гнилой и переѣзду черезъ него нѣтъ; чтобы миновать его необходимо, поднявшись въ сторонѣ на гору, проѣхать черезъ огороды селенія Воронцовка³². Помѣщикъ, будучи золь на казну, что не хотятъ починить мостъ, находящійся въ его владѣніяхъ, объявилъ, что черезъ свою землю никого не пускаетъ, пока не исправятъ мостъ; мы остановились у моста и стали разсуждать, что же дѣлать въ семь казусномъ случаѣ: черезъ мостъ нельзя и черезъ огороды нельзя, значить вообще дальше ѣхать нельзя. Дѣло скверное: и грязь-то одна бѣситъ, а тутъ еще этакая подлость. {С. 87}

Пошелъ въ домъ къ помѣщику.

— Извините, говорю, что обезпокоилъ васъ, позвольте мнѣ проѣхать черезъ ваши огороды, мнѣ очень экстренно ѣхать нужно.

— Я, господа (за мной стоялъ колонистъ, котораго тоже не пускали), далъ себѣ слово никого не пускать, пока не исправятъ мостъ. Просиль, просиль, жаловался — не хотятъ инженеры и знать, что мостъ на почтовомъ трактѣ и безъ него нельзя обойтись; да и мнѣ онъ необходимъ.

— Мнѣ очень больно слышать это, говорю, потому что я самъ инженеръ и никогда не простилъ бы своему товарищу такого нерадѣнія. Я васъ покорнѣйше прошу, позвольте проѣхать.

— Вотъ васъ-то, говорить, какъ инженера, и не слѣдовало пускать; ну, да ужъ въ послѣдній разъ, извольте ѣхать!

Я поблагодарилъ, поклонился и вышелъ, и сообщилъ фургонщику и сзади ѣхавшимъ колонистамъ, что можно подниматься на гору — помѣщикъ позволилъ. Но тутъ вышло горе тяжкое, и позволеніе помѣщика не

пошло впрокъ. — Сильно {С. 88} и дружно, по липкой и густой въ $\frac{1}{2}$ аршина грязи, дернули лошади на гору и черезъ 2 сажени остановились — фургонъ увязъ окончательно. Возились мы тутъ на всѣ манеры, перепрягали лошадей, оборвали всѣ постромки, пробовали стащить фургонъ назадъ, раскачивали его — ничто не помогаетъ — ни впередъ, ни назадъ, ни на вершокъ. — Положеніе безвыходное, помочь нечѣмъ и некому, и опять неотвязная мысль, что до весны далеко еще, что грязь высохнетъ мѣсяца черезъ два, и если теперъ не вытащить его, то чѣмъ дальше, тѣмъ хуже: къ вечеру грязь примерзнетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и фургонъ уже такъ приста-нетъ къ землѣ, что ужъ навѣрно вилами не поднять.

Геніальная мысль озарила мою голову: опять иду къ помѣщику и прошу дать пару здоровыхъ быковъ. Далъ. Впрягли быковъ, быки понатужились, и фургонъ тронулся и при страшныхъ крикахъ, относящихся къ быкамъ, въ видѣ ободренія, взобрался наверхъ. Вся эта исторія продолжалась съ 12 часовъ до 5^м. Злоба моя была совершенно безсильная, кромѣ дороги, никто не виноватъ въ моихъ бѣдствіяхъ. {С. 89}

Какъ я уже сказалъ, мы съ грѣхомъ пополамъ в продолженіе 3^х сутокъ двигались до Орѣхова и вѣхали въ него утромъ — городъ, и еще уѣзд-ный, но такой отчаянный³³, что о немъ даже и упоминать не слѣдуетъ; вообрази, въ цѣломъ городѣ не могъ достать никакого хлѣба. Фургонщикъ нашъ, забравши свѣдѣнія о дорогѣ и услыжавъ, что грязь невылазная, рѣшилъ дальше не ѣхать, несмотря на то, что былъ только 12^й часъ утра.

— Когда же мы дальше?

— А вотъ, говоритъ, какъ дорога станетъ лучше.

— Но вѣдь это можетъ быть черезъ 2 мѣсяца.

— А что, баринъ, дѣлать? — нельзя ѣхать: лошади, вотъ извольте взглянуть, сдѣлали 10 верстъ и заморились совсѣмъ.

Ну что тутъ дѣлать? Погода великолѣпная, солнышко такъ и припекаетъ, а ѣхать нельзя. Попробовали было обругать фургонщика за то, что онъ взялся довести насъ до Мелитополя, но самъ увидалъ, что это будетъ глупо: не могъ онъ знать въ Екатеринославѣ, что дорога будетъ ужъ до такой степени скверна.

Смирися, {С. 90} но частыя эти смиренія, эта затаенная, безсильная злоба обходилась мнѣ не даромъ. Я чувствовалъ непреодолимое желаніе и потребность хоть на что-нибудь излить свое неудовольствіе, свои страданія и... долженъ былъ молчать, терпѣть и портить каждый день по фунту крови. Но, однако, надо же было что-нибудь дѣлать, чтобы хотя тихо, но подвигаться впередъ — не встрѣчать же на орѣховскомъ постоя-ломъ дворѣ Свѣтлое Христово Воскресенье³⁴. Оставалось одно средство, которое я и использовалъ: послалъ мою подорожную³⁵ на станцію, чтобы сейчасъ же были лошади; попутчику говорю, что пока есть время, я предлагаю поѣхать со мной на почтовыхъ, на условіи, что вы заплатите мнѣ половину прогоновъ, т. е. 3 рубля. Согласился. Приѣхала четверка, запряженная въ рессорную, смотрительскую бричку³⁶. Фургонщику от-

далъ деньги по расчету до Орѣхова и объявилъ, что если онъ не доволенъ этимъ, то милостиво просимъ въ полицейское управленіе. {С. 91}

Эти четверки и шестерки лошадей, запрягаемыя на всѣхъ послѣдующихъ станціяхъ, для того, чтобы пара, положенная мнѣ по подорожной, не заморилась окончательно, служили предметомъ одного и того же разговора на каждой станціи. Приѣдешь на станцію, отдашь подорожную, запрягутъ, смотря по состоянію дороги, напимѣрь, шестерку; дѣло идетъ къ расчету.

— Сколько съ меня прогоновъ до станціи?

— Съ васъ слѣдуетъ, за 21 версту по 2½ коп., за 6 лошадей 3 р. 15 к.

— Какъ бы не такъ, вотъ вамъ 1 р. 5 к. за двѣ лошади, которыя у меня значатся въ подорожной.

— Да вѣдь мы вамъ запрягли, не двѣ, а шесть?

— Совершенно напрасно. Отпрягайте четверку, оставьте мнѣ пару только; только не забудьте, что вы обязаны меня доставить на слѣдующую станцію, что я буду требовать отъ ямщика положенной въ осеннее и весеннее время ѣзды по 8 верстъ въ часъ. Вы, смотритель, отвѣчаете, если то или другое не будетъ исполнено. Что же касается до числа лошадей, то я больше пары не требую; остальные — ваше дѣло. {С. 92}

Кончалось все тѣмъ, что оставлялась шестерка, а я платилъ за пару. Происходило это на каждой станціи потому, что пара бы меня не вывезла, поневолѣ запрягаютъ больше, чтобы не зарѣзать лошадей; а тутъ же является сомнѣніе — не новичокъ ли какой ѣдетъ, можетъ, онъ и за остальныхъ заплатитъ. Подъ конецъ мнѣ эти разговоры такъ надоѣли, что я уже ничего не говорилъ: подадутъ лошадей, сяду, прогоны за 2 лошади въ зубы, и маршъ. Вообще, благодаря лихому и буйному духу военныхъ прежняго времени, которые со зрителями не церемонились, у послѣднихъ и по сіе время сохранился нѣкоторый страхъ при видѣ военнаго, проѣзжающаго по казенной надобности. За то уже съ частными проѣзжающими они позволяютъ себѣ всевозможныя притѣсненія; продержатъ на станціи 3 и 4 дня подъ предлогомъ неимѣнія лошадей — ничего для нихъ не значить.

Итакъ, мы съ попутчикомъ двинулись на почтовыхъ изъ Орѣхова до первой станціи, называемой Солодковая балка³⁷, — 21 верста. Эта балка мнѣ опять доставила столько {С. 93} отрадныхъ минутъ, что воспоминаніе о ней неизгладимо. Дорога идетъ степью вплоть до станціи, грязь непроходимая, и на 5^й же верстѣ такъ налипла на колеса, что лошади стали переводить духъ и останавливаться ежеминутно; на 10^й верстѣ, колеса, представляющія 4 огромныхъ кома грязи, перестали ворочаться, повозку застопорило, и лошади стали. Помочь въ степи некому, наступала уже ночь; ни кнутъ, ни крики ямщика, ни моя сабля, которая пошла уже въ ходъ для несчастныхъ лошадей, не помогали. Мучились мы часа два, началъ подниматься степной вѣтеръ, и уже совершенно стемнѣло. Добраться до станціи нѣтъ возможности — еще цѣлыхъ 11 верстъ, ночевать въ степи при вѣтрѣ тоже невозможно, а дѣлать что-нибудь нужно было. Прежде

всего, я сообщил ямщику, что онъ обязанъ слушаться моихъ приказаній и отвѣчаю за все я одинъ. Снимай бричку съ передней оси! Не снимается. Ломай ее! Бричка сломана, и осталось 2 переднихъ колеса съ осью. Привязывай на ось вещи! {С. 94}

Ямщикъ попался расторопный, и меньше чѣмъ въ полчаса дѣло было сдѣлано: повозка брошена въ степи, 2 колеса съ вещами (ужь, кажется, легко) съ трудомъ потащила тройка, на 4^ю съ колокольчикомъ взобрался верхомъ, попутчикъ пожелалъ 11 верстъ идти пѣшкомъ. Въ такомъ видѣ мы двинулись и къ 12 часамъ ночи прибыли на Солодковую балку. Хребетъ у моей лошади былъ до того острый, что я не могъ сидѣть послѣ того 2 дня. Ну какъ же мнѣ не быть въ Царствіи Небесномъ послѣ такихъ огорченій и огорченій, замѣть, не каждодневныхъ, а почти ежеминутныхъ, а между тѣмъ сколько еще впереди-то было дороги и вмѣстѣ съ тѣмъ мученій; ко всему этому присоединяется и то, что почти съ самаго Курска, кромѣ чаю и водки на станціяхъ — это значить съ 1го по 10^е число, я въ ротъ ничего не бралъ, хлѣба даже нельзя было достать. На Солодковой балкѣ я рѣшился, не разбирая, кто виноватъ: дорога ли, лошади, смотритель или ямщикъ, но {С. 95} если не для уничтоженія, то, по крайней мѣрѣ, для уменьшенія на будущее время бѣдствій вродѣ вышеописанныхъ, раскричался на всѣхъ сплочь, и даже пустилъ въ ходъ нѣсколько такихъ изрѣченій, которыя дѣлаютъ русскую рѣчь чрезвычайно краткою и выразительною. Я объявилъ смотрителю и старостѣ, что если со мной случится еще такая же штука, т. е. если я не буду доставлень *въ повозкѣ* на станцію, а *не верхомъ*, то убью лошадей и отвѣчать за это не буду. Что я не стѣсняю ихъ относительно числа лошадей, если нужно, пусть впрягають хоть 20, но объявляю, что если я не буду на станціи, то лошади уже *навѣрно никогда не будутъ*.

Рѣчь моя подѣйствовала, къ утру часамъ къ 3^{мѣ}, когда дорога нѣсколько крѣпче отъ мороза, въ нашу повозку впрягли 8 лошадей, потому что независимо отъ грязи до слѣдующей станціи перегонъ очень большой, въ 26 верстъ. На 16^й верстѣ — селеніе Токмакъ³⁸, а на 26^й — станція называемая Гольбштадтъ³⁹. Съ этой станціи начинаются прекрасно устроенныя колоніи нѣмцевъ. {С. 96}

Проѣхавши 16 верстъ, въ Токмакѣ, гдѣ живетъ содержатель лошадей, намъ перемѣнили по моимъ настояніямъ лошадей, и до Гольбштадта мы доѣхали сравнительно благополучно. Оставалась до Мелитополя одна станція Альтенау⁴⁰ и 2 перегона: отъ Гольбштадта до Альтенау, и отъ Альтенау до Мелитополя. Хотя грязь на первомъ перегонѣ была тоже сильная, но все-таки хоть мѣстами попадался песокъ, и на колеса такъ сильно не налипало. Перегонъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что на протяженіи 24 верстъ вы не выѣзжаете изъ колоній: одна сейчасъ же смѣняется другой, и я насчиталъ ихъ 9. Любо смотрѣть, какъ нѣмцы умѣютъ устроиться и какъ хорошо и чисто живутъ. Лѣтомъ этотъ перегонъ — просто рай: всѣ 24 версты ѣдешь въ великолѣпномъ саду, который образуютъ одинаковые

садики у каждого домика; домики эти самой разнообразной конструкции и вида, и мнѣ говорил мой попутчикъ, что эти разнаго цвѣта заборы и рѣшетки, за которыми разведены цвѣтники, дѣлають дорогу эту настолько пріятною, что не хочется даже шибко ѣхать. Но мнѣ не суждено было {С. 97} испытать послѣ всѣхъ моихъ бѣдствій даже и этого ничего не стоящаго удовольствія.

Сдѣлавши въ темнотѣ еще одинъ перегонъ отъ Альтенау и успѣвъ раза 3 въ темнотѣ сбиться съ дороги, мы насилиу часовъ въ 11 вечера притащились въ Мелитополь, гдѣ я долженъ отдохнуть хотя день, а главное — обсушиться отъ грязи, въ которую я былъ весь залитъ, благодаря тому, что съ самага утра насъ мочилъ дождь, колеса, вертясь по жидкой грязи, обливали насъ цѣлымъ каскадомъ ея.

Войдя въ комнату для проѣзжающихъ, я увидаль, что обсушится мнѣ не суждено: маленькая комната вся биткомъ была набита проѣзжающими, задержанными дорогою, а главное — старостою и писаремъ (на нѣкоторыхъ станціяхъ смотрителей нѣтъ), не пропускающихъ случая сорвать что-нибудь съ ѣдущихъ по частной подорожной, умышенно задерживая ихъ.

Публика спала въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, были заняты всѣ стулья (3), столъ и диванъ. Я обращаюсь къ писарю и спрашиваю, гдѣ же я лягу — чтобъ было мѣсто?

— Извольте, Ваше благородіе, занять диванъ. {С. 98}

— Но вѣдь онъ занятъ уже, тамъ лежитъ какой-то господинъ?

— Это ничего, ваше благородіе; господинъ купецъ, господинъ купецъ (купецъ сталъ протирать глаза), извольте встать; господину офицеру диванъ требуется.

Купецъ былъ такъ глупъ, что всталъ и расположился гдѣ-то на окошкѣ.

Вѣжливо или невѣжливо было согнать съ дивана такого же проѣзжающаго, какъ я, мнѣ было мало дѣла до этого; я былъ въ такомъ состояніи усталости и злобы, что, кажется, если бы онъ не всталъ, стащилъ бы его за ноги. Дѣло обошлось тихо. Заснулъ я въ мокромъ, вѣсившемъ смѣло до 20 фунтовъ пальто.

Въ 12 часовъ я выѣхалъ изъ Мелитополя уже безъ попутчика, запасшись только на дорогу булками. Отъ Мелитополя до Керчи считается около 280 верстъ, и путь этотъ по свойствамъ дороги можетъ быть раздѣленнымъ какъ бы на 3 части.

1) *Отъ Мелитополя до Геническа*⁴¹, т. е. до Азовскаго моря; дорога тоже черноземно-глинистая, но есть *цѣлины* т. е. мѣста объѣзжія по невспаханнымъ (цѣлиннымъ) {С. 99} мѣстамъ, степью, гдѣ дорога нѣсколько тверже — разстояніе 85½ верстъ.

2) *Отъ Геническа до Арабата* — по такъ называемой *стрѣлкѣ*⁴², отдѣляющей Сивашъ или Гнилое море⁴³ отъ Азовскаго: стрѣлку эту образуетъ песчаная коса, шириною отъ ½ до 1 версты, входящая въ море со стороны Крыма и не доходящая въ Геническъ до берега на 30 сажень; для

переправы черезъ этотъ проливъ изъ Геническа на косу существуетъ паромъ. Проливъ называется *Тонкая*⁴⁴. Дорога по песчаной стрѣлкѣ во всякое время года великолѣпная, но встрѣчается другое очень важное неудобство — вѣтеръ съ моря — 107½ версть.

3) *Отъ Арабата*⁴⁵ до Керчи — по Крымскому полуострову — тотъ же опять черноземно-глинистый грунтъ, не позволяющій во время распутицы дѣлать больше 10 версть въ сутки, т. е. другими словами представляющій тѣ же удобства переѣзда, какъ переѣздъ между Орѣховымъ и Солодковой балкою — разстояніе 90 версть.

Итого отъ Мелитополя до Керчи 282 версты. Благодаря цѣлинамъ я очень скоро добрался отъ Мелитополя до первой станціи — Азбердинской⁴⁶, гдѣ и ночеваль, рисуя {С. 100} себѣ заранѣе состояніе уже окончательно распутившейся дороги до Геническа. Но судьба сжалилась надо мной, увидавши, что я какъ будто начинаю привыкать къ грязи, медленной ѣздѣ и проч., и рѣшилась нѣсколько разнообразить дальнѣйшую мою поѣздку. Въ ночь съ 13 на 14 января хватилъ морозъ, и радость моя была неописанная — дорога, думаю, теперь стала крѣпче и можно будетъ ѣхать до Геническа очень скоро; а тамъ песчаная стрѣлка Арабатъ, и уже я почти въ Керчи. Но судьба только смѣялась надо мною, разнообразя мое путешествіе: утромъ 14 числа въ 5 часовъ, за 2 часа до свѣта, я выѣхаль съ Азбердинской станціи и на первой же верстѣ увидѣль, что уже лучше грязь непроходимая, чѣмъ то, что сдѣлалъ морозъ. Вообрази, дорогу, всю сплошь состоящую изъ громадныхъ кусковъ липкой грязи, навороченныхъ колесами, — заморозило; заморозило тверже камня каждый кусокъ, и сдѣлало то, что пришлось ѣхать какъ бы по огромной кучѣ коекакъ набросанныхъ камней. Тряска невообразимая, и, чтобы уже разомъ прекратить пытку, {С. 101} я велѣль ямщику не обращать вниманія ни на меня, ни на камни и лупить во всю ивановскую; я думаль, что у меня произойдетъ сотрясеніе мозга, и тутъ въ первый разъ мелькнула въ головѣ моей мысль: если мнѣ нѣтъ возможности сидѣть, что же подѣлываютъ мои гигрометры въ ящикахъ? Не знаю, какимъ это способомъ, но къ 6^м часамъ вечера я былъ въ Геническѣ, переправился на паромѣ на стрѣлку и, чтобы скорѣе доѣхать до Керчи, рѣшилъ эти 107½ версть хорошей дороги ѣхать всю ночь. Судьба окончательно надо мной расхохоталась: «Ишь, говоритъ, дуракъ нашелся — хочеть ѣхать всю ночь, давай-ка я ему чѣмъ-нибудь да напакошу. Слишкомъ жирно будетъ такъ скоро доѣхать до Керчи». Взяла, подлая, во 1) подпустила еще морозцу, ночь сдѣлала еще темнѣе, да съ моря подняла такой холодный вихрь, что не только я промерзаль сквозь мой толстый коверъ и пальто, но, вѣрь не вѣрь, а повозку двигало на сторону. При такихъ обстоятельствахъ и думать было нечего объ ѣздѣ ночью: проѣхаль 3 станціи до Шеклинской⁴⁷, сдѣлавши {С. 102} 58½ версть и замерзъ, замерзъ совершенно — не могъ съ повозки сойти. Ямщикъ былъ въ такомъ состояніи, что не могъ внести мои вещи на станцію, и онѣ до утра лежали въ повозкѣ. Вошелъ въ комнату, гдѣ совершен-

но такой же морозъ, но затишье, значить вѣтру нѣтъ. Спросилъ у писаря водки, говорить, за 27 верстѣ, на Тревожинской станціи⁴⁸ можно достать. Ну, такъ самоваръ, по крайней мѣрѣ, вѣдь я не шутя, а совершенно серьезно замерзъ. У насъ, говорить, вода морская, соленая, и вы пить не станете. Чтобъ васъ чертъ взялъ съ вашей станціей! Если бы еще комната теплая, то, пожалуй, можно было бы лечь спать и съ грѣхомъ пополамъ обойтись безъ водки и самовару. Но вѣдь и въ комнатѣ-то морозъ! Такъ и не ложился, а съ 12 часовъ ночи до 5 утра ходилъ по комнатѣ, не разъ вспоминая твое замѣчаніе о томъ, что старый солдатъ, приходя съ похода, всегда ходитъ по хатѣ и этимъ только согрѣваетъ себя; но, мнѣ кажется, въ моемъ случаѣ, водка помогла бы больше. {С. 103}

Въ 5 часовъ я выѣхалъ съ Шеклинской станціи, при страшно-рѣзкомъ и холодномъ вѣтрѣ, который дулъ мнѣ съ лѣвой стороны; такъ холодно было, что я не могъ доѣхать до слѣдующей станціи (Власенка⁴⁹ — 25 верстѣ) и приказалъ ямщику на 11^и верстѣ, гдѣ стоитъ постоялый дворъ, остановиться, согрѣться. На каждой станціи, куда я ни пріѣзжалъ, я аккуратно считалъ число уже не десятковъ, а просто рублей, не пренебрегая и мелочью, и по моимъ расчетамъ выходило, что я только еле-еле доберусь до Керчи. Въ этотъ день 15 января я не могъ доѣхать до Керчи, т. е., пожалуй, могъ бы, но такъ какъ на послѣднюю станцію (Султановка⁵⁰) я пріѣхалъ уже въ темноту, то сообразилъ, что все равно пріѣхать на другой день утромъ, чѣмъ теперь въ темнотѣ по кочкамъ сломать шею, тѣмъ болѣе, думаю, что я теперь уже почти въ Керчи — остались глупыя 23 версты. Эти 23 версты я сдѣлалъ 16 января и въ 12 часовъ пополудни выѣхалъ въ новое мое жилище. Деньги такъ были подогнаны, что ямщикъ, привезшій {С. 104} меня въ Петербургскую гостиницу⁵¹, получилъ на водку *послѣднія 20 к[опеекъ] с[еребромъ]*, и я остался совершенно безъ денегъ и главное — безъ папиросъ, которыхъ въ гостиницѣ не продаютъ. (Такое длинное посланіе я затѣялъ, что кажется, никогда его не кончу.) Внесли въ номеръ мои вещи, не ѣвши, кажется, мѣсяць, я съѣлъ 5 порцій разныхъ разностей, и выпилъ бутылку портеру⁵², и принялъ на диванѣ такую важную позу, что человѣкъ никогда бы не подумалъ, что у меня нѣтъ, ну, ни-ни, ни гроша. Пріятное положеніе человѣка, пріѣхавшаго совершенно въ новое мѣсто и не могущаго пріобрѣсти покупкою даже листа бумаги. «Ну, да это ничего, думаю, въ гостиницѣ пока кредитъ — брать все можно, нужно только побольше важности, а за этимъ дѣло не станетъ, а тамъ дня черезъ три и достану денегъ, расплачусь въ гостиницѣ и найму квартиру». Послѣ 5^{ти} порцій и бутылки портеру я завалился спать и проспалъ до самаго вечера, когда громовымъ голосомъ крикнулъ: «Подать чаю!». {С. 105}

При этомъ совершенно забылъ, что въ гостиницѣ не продаютъ папиросъ.

— Принеси, говорю, пожалуйста, десятокъ папиросъ.

— У насъ не продаютъ, а достать можно.

Волей-неволей долженъ былъ спросить:

— А гдѣ же можно достать?

— Тутъ, говорить, недалеко есть фабрика⁵³, пожалуйста деньги, я мигомъ сбѣгаю.

— Нѣтъ, говорю, я ужь самъ схожу — ты не тѣ принесешь.

— Слушаю-сь.

— Только, пожалуйста, любезный, принеси поскорѣ чаю и... и... сахару... какъ тамъ у васъ... вѣрно порціями?

— Порціями-сь. Доложу только вамъ, что это для васъ невыгодно, лучше купить въ лавкѣ сахару, хоть немного; если вамъ угодно я сбѣгаю, только ужь, пожалуйста, не крупную бумажку, а то тамъ никогда не размѣняютъ.

— Это любезный, уже завтра, мнѣ теперь некогда возиться съ сахаромъ. {С. 106}

Каково положеніе? Прожилъ я въ гостиницѣ 16, 17, 18 и 19 и всѣ 4 дня не курилъ; сахаръ и чай тоже порціями, и все боялся, что вотъ нѣтъ-нѣтъ, да и явится челоуѣкъ со счетомъ. 18го числа досталъ 75 рублей, и переселился на другой день пока въ квартиру одного инженера Воронова⁵⁴, уѣхавшаго въ Петербургъ. — 20го явился къ Строителю полковнику Седергольму⁵⁵ и Командиру Команды полковнику Подымову⁵⁶. Да, я и забылъ тебѣ сказать, что, какъ только я пріѣхалъ въ номеръ, тотчасъ же, даже не объдавши, распечаталъ ящикъ съ гигрометрами — оба разбиты. Я все-таки ихъ представилъ при рапортѣ, объяснивъ причину разбитія и заявивъ въ концѣ рапорта, что по моему мнѣнію, *только пѣшій челоуѣкъ, посланный изъ Петербурга въ Керчь, можетъ доставить инструменты непопорченными*. Это, конечно, пустяки, и мнѣ платить не придется — сами виноваты — знаютъ крымскія дороги, да и не укладываютъ какъ слѣдуетъ. {С. 107}

Посланіе мое кончено. Быть можетъ, когда-нибудь въ отдаленномъ будущемъ мнѣ мелькнетъ звѣздочка счастья, займу я какое-нибудь видное мѣсто, ну, буду хоть администраторомъ и настолько, положимъ, важнымъ, что мнѣ будетъ дано право наказывать преступниковъ. Первому подлецу, первому разбойнику и мошеннику въ превосходной степени, я назначу наказаніе и этимъ наказаніемъ поставлю его на путь истинный. Наказаніе это: *совершитъ путь изъ Петербурга до Керчи, при всѣхъ тѣхъ обстоятельствахъ, которыми былъ окруженъ я*. Вотъ самое искреннее, самое глубокое впечатлѣніе, оставшееся у меня отъ дороги. Уже остается мало мѣста, и потому, прощай, будь здоровъ, поцѣлуй всѣхъ вышеупомянутыхъ⁵⁷, скажи Леониду⁵⁸, чтобы о деньгахъ не беспокоился — теперь еще не могу. Федерольфу⁵⁹ вышлю 25 января. Самый искренній поклонъ Марьѣ Павловнѣ и затѣмъ Дмитрію Павловичу. Не забудь и Анну Михайловну⁶⁰. Остальнымъ, какъ знаешь. Слѣдующее письмо получишь въ концѣ февраля⁶¹.

Любящій тебя искренно и обнимающій заочно сынъ Николай.

21 янв[аря] 68 г.

Адресъ мой: въ г. Керчь, Военному [инженеру Лукницкому] и т. далѣе. (Еникале — другое мѣсто.) {С. 108}

Посылаю тебѣ для свѣдѣнія подробный путь отъ *Петербурга*⁶².
 Отъ Петербурга до Москвы — 604 вер[сты]
 — Москвы до Тулы — 180
 — Тулы до Ясенково — 20
 — Лапотково — 21³/₄
 — Сергіевское — 17
 — Кондыревка — 19³/₄
 — гор. Чернь — 17
 — Богослово — 16¹/₂
 — гор. Мценскъ — 14¹/₄
 — Ильково — 14¹/₄
 — Ивановское — 16¹/₄
 — гор. Орѣховъ — 16¹/₂
 — Салтыка — 10¹/₂
 — гор. Кроты — 18³/₄
 — Гастоновское — 18³/₄
 — Котомка — 16³/₄
 — Головинское — 17
 — гор. Фатежь — 18
 (3 станціи)
 — гор. Курскъ — 44
 От Тулы до Курска — 327 в.
 От Курска до Селихово — 18
 — Медвѣденка — 15
 — Дрозды — 15
 — гор. Обоянь — 15⁶³ {С. 109}

Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник (далее — ВКИКМЗ). НВФ-1685.
 Л. 65–109.

Н. В. Лукницкий — В. А. Лукницкому,

Керчь, 30–31 марта 1868 года — Санкт-Петербург, 21 апреля 1868 года.

Страстная суббота, Керчь, 30 марта.

Вчера я получилъ твое второе письмо, милый Папа, а также отъ Вари⁶⁴.
 Семь рублей мною тоже получены — это отъ М^{ме} Манштейнъ⁶⁵ за ноты,
 которыя я покупалъ для нея еще въ Тифлисѣ⁶⁶. Понемногу устраиваюсь, но
 очень трудно первое время, да и цѣны на все въ городѣ страшныя. Ввиду
 нѣкотораго сбереженія поселился съ Никулищевымъ⁶⁷, занимаемъ квар-
 тиру въ 5 комнатъ и обзавелись нѣкоторою мебелью и хозяйствомъ. Что
 будетъ дальше, неизвѣстно, но въ настоящее время не могу сказать про
 Керчь ни про, ни contra: городъ небольшой, но хорошенькій⁶⁸, есть театръ
 безъ труппы⁶⁹, бульваръ на берегу моря, на самомъ припекѣ, безъ всякихъ
 почти слѣдовъ растительности⁷⁰; улицъ порядочныхъ, т. е. обстроенныхъ

приличными зданіями и вымощенныхъ, двѣ: Воронцовская и Николаевская⁷¹; двѣ парикмахерскихъ⁷², двѣ бани, въ которыхъ скорѣй больше зама-раешься, чѣмъ вымоешься, 18 извозчиковъ съ фаэтонами, двѣ гостиницы: Hôtel St. Pétersbourg и Hôtel d'Orient; клубъ вообще и клубъ купеческій, иначе называемый Café de Commerce⁷³; {С. 1} есть публичная или, какъ здѣсь называютъ ее, общественная библіотека, въ которой сомнительно, чтобы были книги, изданныя послѣ 1802 года и вплоть до нашего времени; чтобы получить ту или другую книгу, нужно ихъ выписывать изъ Одессы, ибо книжныхъ магазиновъ не имѣется ни одного⁷⁴; затѣмъ есть гора Митридатъ, на которой производятся раскопки съ цѣлью открытія древностей, коихъ оказывается въ имѣющемся здѣсь для этой цѣли «Музеѣ древностей» очень мало. Лучшія или остаются собственностью директора, или попадаютъ въ частныя руки⁷⁵. Есть въ городѣ градоначальникъ контръ-адмиралъ Спицынъ⁷⁶, человекъ добрый и вообще хорошій, но къ своему городу относящійся совершенно равнодушно, ибо вялъ до крайности. Есть комендантъ генераль-лейтенантъ Сабашинскій⁷⁷, котораго самого можно было бы посадить въ упомянутый музей, на случай неимѣнія митридатскихъ памятниковъ прежняго времени; затѣмъ есть Инженерное вѣдомство (кажется, самое крупное), Артиллерійское, Литовскій пѣх[отный] полкъ⁷⁸, {С. 2} клочки другихъ вѣдомствъ и спеціальностей, тѣмъ иностранцевъ, въ особенности грековъ⁷⁹... вотъ и все.

Керченская крѣпость — это уже совсѣмъ другой міръ; она предполагается быть оконченною черезъ 4 года⁸⁰. Проживши въ Керчи нѣсколько лѣтъ, можно свыкнуться съ нею и быть вполне довольнымъ, — но мнѣ теперь приходится досадовать ежеминутно то на то, то на другое черезъ частое забываніе того, что я не въ Петербургѣ. Сію минуту, наприимѣръ, я только что вернулся изъ парикмахерскихъ, куда ходилъ съ цѣлью побриться передъ завтрашнимъ праздникомъ⁸¹, и вернулся ни съ чѣмъ, — въ одной сказали, чтобы приходилъ черезъ ½ часа, а въ другой — черезъ ¾ — народу, вишь, набралось много; сожитель мой сейчасъ посылалъ нашего человекъ за пасхой, и въ цѣломъ городѣ таковой не оказалось.

Вообще многого необходимаго нельзя достать, а что можно, то дорого до безобразія. Письмо мое прерываю, ибо одѣваюсь къ заутрени — 12^и часъ. Никулищевъ не знаетъ, куда положилъ шарфъ и султанъ⁸², и по этому случаю поретъ горячку. Я въ ожиданіи его, отъ нечего дѣлать, {С. 3} сижу передъ зеркаломъ и старательно натираю усы Hongroise⁸³ (клеякая, душистая помада), стараясь концамъ ихъ придать до невозможности тонкій, наподобіе иглы видъ. Но шарфъ не отыскивается, мое терпѣніе ломается, и я ухожу одинъ...

31 марта. Вечеръ (8^и часъ).

Цѣлый день не былъ дома съ этими дурацкими визитами, только что вернулся и продолжаю.

Поздравляю тебя, Папа, и всѣхъ нашихъ съ праздникомъ, для меня уже прошедшимъ, а для тебя — тѣмъ болѣе. Желая, конечно (объ этомъ и

писать бы не слѣдовало), всего лучшаго, полнаго исполненія желаемаго тобой и нашими.

Писать буду подробно о встрѣчѣ мною этого дня и о прохожденіи его по отношенію къ моей фигурѣ, вплоть до 8 часовъ вечера, зная, что тебя интересуеть все касающееся меня — въ мельчайшихъ подробностяхъ.

На площадь, гдѣ стоитъ соборъ⁸⁴, я пришелъ вчера, хотя и торопился, рано служба не начиналась, было половина 12^{то}, и я завернулъ къ нашему инженеру Черкасову⁸⁵, {С. 4} живущему vis-à-vis⁸⁶ собора. Онъ мой товарищъ по Академіи, недавно женившійся на нѣкоей Лагоріо⁸⁷. Другой здѣшній инженеръ Вороновъ (тоже одного выпуска) на будущей недѣлѣ женится на другой Лагоріо⁸⁸, и я уже получилъ отъ невѣсты приглашеніе быть ея первымъ шаферомъ и распорядителемъ на свадьбѣ. Всю семью засталъ я у Черкасова, который совмѣстно съ Вороновымъ разставлялъ на столѣ разныя яства и принадлежности Пасхи. Я присѣлъ къ столу передъ диваномъ и проболталъ до начала службы, бесѣдуя съ М^{ме} Черкасовой, невѣстой, отцомъ и матерью ихъ⁸⁹, причемъ съѣлъ апельсинъ, а другой захватилъ въ карманъ мундира, причемъ хотя и былъ обвиненъ въ алчности, но получилъ еще апельсинъ въ другой карманъ отъ М^{ме} Черк[асовой], желавшей видѣть однообразіе моей фигуры сзади, которое не было соблюдено при одномъ апельсинѣ. Сева⁹⁰, навѣрное, будетъ смѣяться, читая эти подробности, но я упоминаю о нихъ съ цѣлью показать, что я болѣе или менѣе сжился уже съ керченской публикой и въ весьма многихъ домахъ чувствую себя какъ дома, безъ всякихъ тонкостей этикета или ерунды, которыя меня мутятъ до тошноты. Въ силу моей безцеремонности {С. 5} и дѣйствительно оригинальной откровенности, меня здѣсь, по-видимому, жалуютъ, и странности моей простой натуры иногда служатъ предметомъ самыхъ оживленныхъ бесѣдъ. Это меня радуеть, ибо я вижу, что имѣю дѣло съ людьми, а не со звѣрями, къ которымъ я отношу всѣхъ, бьющихъ на воп'тѣнность⁹¹, выражающуюся въ умѣннн сѣсть, встать, въ умѣннн никогда хорошо не поѣсть, и вести разговоръ ангельскаго, непорочнаго и вмѣстѣ пустѣйшаго свойства.

Здѣсь въ Керчи есть дома, пользующіеся названіемъ аристократическихъ, но только, такъ какъ этотъ аристократизмъ заключается только въ возможности ѣздить въ каретахъ, а не въ головѣ и дѣйствіяхъ, то я и не бываю тамъ, хотя и знакомъ, и не позволю себѣ даромъ плюнуть туда, считая это за величайшую съ моей стороны имъ честь.

Есть, напримѣръ, тутъ аристократическое семейство Томазини⁹², которое считаетъ себя аристократическимъ потому только, что ни одинъ членъ семейства не умѣеть {С. 6} говорить по-русски. Есть аристократическое, тонирующее семейство Рейтерновъ⁹³, глава коего отставной подпоручикъ какого-то пѣхотнаго кавказскаго полка, служившій въ немъ казначеемъ въ хорошее время, и наворовавшій себѣ состояніе. И вѣдь какъ важничаетъ! Есть здѣсь и въ нашемъ вѣдомствѣ аристократическій домъ, котораго я, какъ и всѣ прочія подобныя заведенія, избѣгаю, — это семейство инже-

нернаго капитана барона фонъ деръ Роппа⁹⁴, но... о немъ когда-нибудь поговорю послѣ, теперь же я буду продолжать начатое описаніе встрѣчи Воскресенія Христа и замѣчаю, что замѣтно отвлекаюсь.

Едва протолкался въ церкви, до того она была набита, — одинъ мѣщанинъ, обратившій на себя мое вниманіе, попавшій въ самое густое мѣсто и толкаемый въ продолженіе всей службы со всѣхъ сторонъ, не отнималъ платка отъ лица и вытиралъ, должно быть, 41^й потъ — уйти не рѣшился, ибо, надо полагать, былъ очень набоженъ. Меня никто не разубѣдитъ, что онъ будетъ навѣрное въ Царствіи Небесномъ, такъ онъ, бѣдный, страдалъ и былъ избитъ въ продолженіе 5^{ти} часовъ. При выходѣ я ему {С. 7} предложилъ одинъ мой апельсинъ, но онъ меня сконфузилъ, говоря, что еще рано разговливаться. Продравши сквозь толпу, я впѣрь съ неимовѣрными усиліями (мускулы каждой руки развивали силу въ 20 пудовъ) къ самымъ Царскимъ вратамъ, но былъ оттиснуть священникомъ влѣво и наступилъ М^{ме} Томазини на ногу.

Конфузь мой былъ такъ великъ, что я рѣшился уйти тотчасъ послѣ заутрени, не дожидаясь обѣдни, и залечь дома спать, хотя мнѣ сильно хотѣлось разговѣться (поѣсть — я не говѣлъ), въ какомъ-нибудь хорошо кормящемъ (радушномъ) семействѣ. Съ тѣми же усиліями, весь въ мылѣ, я выперъ изъ церкви. Было 3 часа ночи, и пѣли пѣтухи. Пришелъ на квартиру, но попасть въ оную не могъ: человѣку угодно было, не сказавши слова, уйти куда-то и запереть комнаты. На дворѣ ни души, даже собаки ушли (числомъ 4). Что дѣлать въ семь казусномъ случаѣ? А спать хочется. Нечего дѣлать, опять попѣрь въ храмъ, но у дверей его встрѣтилъ доктора Петрова⁹⁵ {С. 8} «А, и Вы вернулись?» — удивился онъ. Я рассказалъ ему свое несчастье, и онъ потащилъ меня къ себѣ, въ гору, къ театру⁹⁶, къ тому самому театру, который долго и бесполезно стоитъ и поджидаетъ трупы.

Только въ 5 часовъ принесли ему изъ церкви пасху, мы поѣли и проболтали до 7 часовъ утра, когда я уже рѣшительно всталъ, говоря, что чувствую потребность хотя немножко заснуть предъ предстоящими визитами. Дорогой иду и размышляю: а что если и теперь человѣка нѣтъ? Куда направить стопы своя? Впрочемъ, думаю, вѣроятно, Никулищевъ уже дома. Прихожу, человѣка дѣйствительно нѣтъ, наружная дверь растворена, а ведущая въ комнаты — заперта изнутри. Ну, думаю, Никулищевъ дома — онъ, значить, заперся, чтобы кто не вошелъ. Да, какъ же я-то войду? Стучи ни стучи — не услышитъ. Я поналегъ на окно въ мою спальню — оно отворилось, и я въ него полѣзь, немилосердно шумя саблей. Разбуженный шумомъ, вбѣгаетъ Никулищевъ и раздражается смѣхомъ, видя офицера, лѣзущаго на зарѣ въ полной парадной формѣ въ окно.

— Извините меня, Ник[олай] Всев[олодовичъ], — говорить.

— Въ чемъ? — спрашиваю. {С. 9}

— Да въ томъ, что я заперъ дверь изнутри.

— Помилуйте, говорю, да такъ и слѣдовало, чтобы не вошелъ кто. А сами-то Вы, спрашиваю, какъ попали?

— Я разломаль дверь, а Вамъ оставилъ не притвореннымъ окно.

— Ну, благодарю Васъ, Алек[сандръ] Ив[ановичъ], а то я уже рассчитывалъ заночевать передъ храмомъ Божиимъ.

Головойка человѣку по приходѣ его была хорошая и вполнѣ заслуженная. Визиты дѣлали мы пѣшедрялами⁹⁷, по неимѣнію экипажа и дороговизны извозчиковъ, которые, пользуясь тѣмъ, что ихъ мало, деруть что хотятъ; въ силу этой монополіи они дѣлаютъ иногда такія вещи, что кого хотятъ, везутъ, а кого не хотятъ или знаютъ, что [не]аккуратно расплачивается, не повезутъ, и ничего противъ этого не сдѣлаешь. Дѣятельность здѣшняго градоначальника Спицына, въ сферу которой, казалось бы, долженъ былъ входить вопросъ и о извозчикахъ⁹⁸, оказывается мнимою.

На каждомъ шагу въ городѣ невольно вспоминаешь отсутствіе заботящейся о городѣ власти: улицы не мостятся, грязны вѣчно, единственные памятники древности, заслуживающіе некотораго же вниманія, и о которыхъ по малому числу ихъ можно бы заботиться, — это {С. 10} большая каменная лѣстница на Митридатъ и памятникъ на горѣ, воздвигнутый въ память прежняго градоначальника, — не поддерживаются. Лѣстница вся обвалилась⁹⁹, а памятникъ испещренъ такими надписями, которыя дѣлаютъ его больше похожимъ на отхожее мѣсто, чѣмъ на мавзолей¹⁰⁰. И при все[мъ] этомъ Спицынъ — человѣкъ прекрасный, пользующійся всеобщимъ уваженіемъ, онъ заслуженный, храбрый севастопольск[ій] адмиралъ, чрезвычайно образованный и мягкій до безобразія человѣкъ. Однимъ словомъ, какъ семьянинъ и какъ начальникъ своихъ подчиненныхъ онъ незамѣнимъ, но зато какъ администраторъ, начальникъ города — никуда не годится. Совершенная баба въ адмиральскомъ мундирѣ¹⁰¹.

На дняхъ весь городъ былъ встревоженъ ужасной новостью: разнесся слухъ, что Спицыну дали пощечину на главной Воронцовской улицѣ, днемъ, при толпѣ гуляющихъ. Дѣло оказалось вѣрнымъ и заключалось въ томъ, что отставной чиновникъ Пономаренко, встрѣтя Спицына, ударилъ его по воротнику пальто, который былъ поднятъ¹⁰². Причины, побудившія его сдѣлать это, неизвѣстны еще, извѣстно только, что Спицынъ ѣздилъ въ Одессу къ Коцебу¹⁰³ прося его довести до свѣдѣнія Государя нежеланіе продолжать {С. 11} службу въ Керчи (Какъ это глупо! Можно ли считать себя оскорбленнымъ отъ укушенія бѣшеной собаки. Спицынъ — настолько хорошій человѣкъ, что не доведетъ никого до этапа. Оскорбленія, обиды тутъ никакой нѣтъ — просто несчастіе). Изъ Петербурга уже получено Высочайшее повелѣніе предать преступника Военному суду (?), а насчетъ Спицына Государю угодно, чтобы онъ продолжалъ свою службу, въ видахъ той пользы, которую онъ принесъ и которую еще можетъ принести Отечеству. Депутатіи въ самый день происшествія выражали Спицыну выраженіе сочувствія къ нему и негодованіе къ злодѣю, прося, чтобы его судили непременно въ Керчи. Спицынъ огорченъ сильно и только и повторялъ на слова выражавшихъ ему чувства: «Развѣ мнѣ легче отъ этого?»

Происшествіе это, случившееся недѣли двѣ тому назадъ, еще теперь занимаетъ весь городъ и варьруется на разныя темы. Нѣкоторые требу-

ють самого строгаго наказанія, другіе видять въ злодѣѣ второго Протопопова¹⁰⁴ и, вспоминая дѣло это, говорятъ, что онъ умалишенный и проч., и проч. Между разными варіаціями и предположеніями насчетъ степени вины и участи подсудимаго ходять по городу и курьезныя вещи, и какъ {С. 12} ни грустно всѣмъ, но разсказъ о гимназистахъ, пришедшихъ почувствовать Спицыну, возбуждаетъ смѣхъ. Дѣло въ томъ, что маленькимъ, младшаго класса, гимназистамъ не было почему-то сказано, съ какою цѣлью они идутъ къ градоначальнику. Большіе что-то пробормотали, а когда Спицынъ подошелъ къ маленькимъ, то услышалъ: «Имѣемъ честь Васъ поздравить». Дѣло вышло неумышленно скверно, и инспекторъ чуть не провалился сквозь полъ.

Въ первый день праздника обѣдалъ у Седергольма, а во второй — у Лагоріо¹⁰⁵. На прошлой недѣлѣ, неизвѣстно въ силу какихъ побужденій, комендантомъ отданъ приказъ ходить по городу при оружіи, — но до сихъ поръ это еще не исполняется.

Пиши, Папа, пожалуйста, подробно обо всемъ, что у васъ дѣлается. Больше не пишу, хотя и не кончилъ листа — рука не слушается, да и довольно будетъ на этотъ разъ — больше не придумаю пока, о чемъ еще написать. Поцѣлуй Варю, Надю, Севу и Лёню¹⁰⁶. За нечаянное забвеніе Мурзика, поцѣлуй его отъ меня въ шейку, въ ручки, въ ножки, въ глазки, въ носикъ и въ проч.¹⁰⁷ {С. 13}

Самый искренній поклонъ Дмитрію Павловичу и Марьѣ Павловнѣ, которыхъ поздравь отъ меня съ праздникомъ. Дядѣ Ипполиту¹⁰⁸ передай, независимо отъ поздравленія съ праздникомъ, поздравленіе со значительнымъ повышеніемъ дяди Александра¹⁰⁹ — быть ему министромъ и выше.

Ça ira

Qui vivra, verra¹¹⁰.

А такъ какъ мы всѣ проживемъ очень долго то,

Nous tous le verrons¹¹¹.

Затѣмъ, поздравленіе и поклонъ Елизаветѣ Павловнѣ, Екатеринѣ Ипполитовнѣ, Путѣ, Софьѣ, Ольгѣ и Елизаветѣ Лукиничнамъ, а равно Михаилу Викульевичу, М^{ле} и М^{ме} Лоренковичамъ и Ник[олаю] Лоренковичу, Елизаветѣ Львовнѣ и Константину, Александру и Николаю Ивановичамъ... Аннѣ Михайловнѣ, Надеждѣ Павловнѣ¹¹² и всѣмъ, кому хочешь.

Жду скорого отвѣта.

Твой любящій и никогда не забывающій Николай. {С. 14}

[Помѣта: Письмо № 3. Получено 21 апрѣля 1868 г.; На это письмо 23 мая 1868 г. за № 3 отвѣтилъ¹¹³]

ВКИКМЗ. НВФ-1685. С. 1–14.

Н. В. Лукницкий — В. А. Лукницкому,
Керчь, июнь 1868 года — Санкт-Петербург, 12 июля 1868 года.

Керченская крѣпость.

Письмо твое, дорогой Папа, за № 3 я получилъ и благодарю тебя за справку о чертежахъ¹¹⁴ — при первой возможности выпишу ихъ черезъ тебя. Я совершенно здоровъ, но въ жизни моей произошла перемѣна, заключающаяся въ томъ, что изъ удобной и веселой квартиры въ городѣ я переселился, подобно Варѣ съ Леонидомъ, на дачу; но дача моя, по всей вѣроятности, хуже ихъ, хотя послѣдней я и не знаю. Переселеніе на дачу совершилось вслѣдствіе необходимости быть поближе къ работамъ, которыхъ разомъ у меня накопилось много; дача моя ничего не стоитъ и называется «Кухней № 5»¹¹⁵. Не удивляйся, Папа, что инженерный офицеръ, главный хозяинъ обширной и хорошо обстроенной Керченской крѣпости, располагающій переселиться изъ города въ крѣпость, чтобы быть ближе къ работамъ, долженъ занять квартиру или въ кухнѣ, или въ пустомъ пороховомъ погребѣ. Это совершенно вѣрно, {С. 15} и существуетъ этотъ фактъ въ силу того обыкновеннаго явленія, при которомъ мы видимъ сапожника безъ сапогъ, портного безъ правильнаго платья и проч. Пѣхота и артиллерія имѣютъ въ крѣпости отличныя казармы и квартиры, а для инж[енерныхъ] офицеровъ нѣтъ даже одного, хотя какого-нибудь домика.

Квартира, или правильнѣе дача, потому что служить моей резиденціей на все лѣто, представляетъ 2 каземата, но не такихъ каземата, какіе, можетъ быть, ты видѣлъ въ Петропавловской крѣпости, а обширныхъ, до 6^{ти} сажень длины, покрытыхъ толстыми сводами и сверху землей футовъ въ 5. Строеіе, устроенное такимъ образомъ, называется казематированнымъ строеіемъ и позволяетъ находящемуся въ немъ быть безопаснымъ отъ падающихъ бомбъ и гранатъ. Видъ изъ моей дачи прескверный: рвы, насыпи, да торчащія повсюду изъ огромныхъ кучъ земли трубы, показывающія присутствіе пороховыхъ погребовъ; одинъ изъ таковыхъ расположился со своимъ часовымъ какъ разъ подъ носомъ моей {С. 16} дачи, шагахъ въ 15^{ти} и производитъ нехорошее впечатлѣніе своимъ близкимъ присутствіемъ¹¹⁶. Вдаюсь въ особенныя подробности устройства дачи моей потому, что она долго не давала мнѣ возможности свыкнуться съ ней и заставляла думать о своихъ неудобствахъ ежеминутно. Съ омерзительностью впереди лежащаго ландшафта и съ возмущающимъ нервы близкимъ сосѣдствомъ биткомъ набитаго порохового погреба я еще скоро подружился, но что меня бѣситъ по сіе время, такъ это сырость моего каземата, доходящая до такихъ проявленій, о которыхъ житель самой сырой и вонючей части Петербурга и понятія не имѣетъ: сюртукъ или китель надѣвнешь, бывало, *буквально* мокрый, почему все платье выносятся каждый день на воздухъ; мебель моя страдаетъ ужасно и т. п., но это было прежде такъ, теперь лучше благодаря нѣкоторымъ мѣрамъ: во 1) постоянному провѣтриванію; [во] 2) усиленной топкѣ печи; когда я бываю въ городѣ и

проч. Неудобства, происходящія отъ сырости, умѣряются еще и тѣмъ обстоятельствомъ, {С. 17} что я живу не одинъ: со мной живетъ нашъ же инженеръ фонъ-Францень¹¹⁷, а на людяхъ, какъ говорится, и смерть красна. Рѣшимость моя промѣнять городскую квартиру на такое безобразіе объясняется положительнымъ нежеланіемъ заводить экипажъ съ лошадыю и ѣздить каждый день изъ города въ крѣпость и обратно. Чтобы избѣгнуть того и другого, т. е. необходимости имѣть лошадь, а также казематъ, слѣдовало не брать работъ, по крайней мѣрѣ, первое время — но этого я не могъ сдѣлать. Меня живо интересовали тѣ чисто фортификаціонныя сооруженія, возводить и возиться съ которыми мнѣ не удалось въ продолженіе 3-лѣтней службы на Кавказѣ — тамъ были гражданскія зданія, которыя не составляютъ прямой нашей специальности. Живой интересъ этихъ новыхъ для меня работъ заставилъ меня перейти изъ Управления Строителя въ Команду и заняться возведеніемъ на первый разъ казематированной каменной 5-казематной mortarной батареи¹¹⁸ {С. 18} и каменнаго же капонира (капониромъ называется постройка, расположенная на днѣ рва или во рву для обстрѣливанія артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ).

Кромѣ этихъ двухъ большихъ работъ, есть еще много маленькихъ вродѣ устройства платформъ¹¹⁹ и проч. Работы эти всѣ подрядныя, т. е. не дающія никакой выгоды и привлекающія къ себѣ единственно *интересностью работъ*.

Въ городѣ ѣзжу, почти что только по воскресеньямъ, чтобы, во 1) отвести душу отъ однообразнаго и скуку наводящаго камня, дресвы¹²⁰, песку, разное количество которыхъ только и разнообразить видъ, и, во 2), чтобы повидаться со знакомыми, которыхъ не перечесть.

Есть теперь большое удовольствіе въ городѣ, которое меня ежедневно тянетъ къ себѣ, но оно очень дорогое: это театръ, труппа котораго пріѣхавшая на все лѣто, положительно не уступитъ въ игрѣ петербургской труппѣ Александринскаго театра (о московской я не говорю, съ той бороться не можетъ даже франц[узская] наша труппа). {С. 19}

Я не могу забыть того сильнаго впечатлѣнія, которое я, какъ теперь помню, вынесъ (благодаря самой пьесѣ) изъ представленія на Алекс[андринскомъ] театрѣ 18 ноября, новой пьесы «Виноватая»¹²¹. Я смѣялся въ ожиданіи спектакля надъ нашей труппой, которая въ одинъ изъ спектаклей своихъ рѣшилась дать эту «Виноватую»¹²². Меня удивляла и возмущала дерзость, и что же вышло? Впечатлѣніе петербургское стусевалось и расположило меня до того въ пользу этой труппы, что я опасаюсь возможности сдѣлаться записнымъ театраломъ, — опасеніе справедливое, при постоянномъ моемъ неумѣнни свести концовъ съ концами.

Удольствіе крѣпости составляетъ только купанье (что, впрочемъ, можно дѣлать и въ городѣ), но, увы! Купаніе, не напоминающее петербургскаго: безъ всякихъ приспособленій къ раздѣванію — прямо съ берега, причемъ дно не очищено, можно ежеминутно напоротся на острый камень, а вода до того соленая, что можетъ стошнить. {С. 20}

Завтра ѣду въ городъ до воскресенья вечера (какъ въ корпусѣ — въ отпускъ), гдѣ на случай моихъ прїѣздовъ есть уже абонированный для ночлега № въ Hôtel St. Pétersbourg, а обѣдъ у кого-нибудь изъ нашей семейной инженерной братіи. Всѣ они народъ порядочный. Кромѣ ихъ, я большихъ знакомствъ въ городѣ не завожу, потому что чрезвычайно трудно поддерживать эти знакомства, бывая въ городѣ разъ въ недѣлю и только на одинъ, на два дня.

Жалованіе мое состоитъ изъ 330 р. сер[ебромъ] и, кромѣ того, по 60 р. въ мѣсяць разъѣздныхъ. Жить можно — но все же нужно прежде устроиться. Ты мнѣ ни разу, Папа, не писалъ настолько подробныхъ писемъ, чтобы изъ нихъ можно было видѣть ясно, что вы всѣ подѣльваете. Теперь у тебя матеріалу хватить, такъ какъ всѣ наши разбрелись по разнымъ уголкамъ Петербурга, и жизнь ихъ, навѣрное, представляетъ нѣкоторыя особенности, которыя я не {С. 21} отказался бы знать.

Каковъ новый начальникъ у Леонида Лукича? Благоволятъ ли онъ къ нему?

Что имѣетъ въ виду Сѣва по окончаніи академіи?¹²³

Прокуроръ Звѣревъ¹²⁴, дѣйствительно, существуетъ въ Керчи и по общимъ отзывамъ онъ премилый человекъ, только я не знаю, кого же онъ изъ Васъ знаетъ? Я спрашивалъ у него, знаетъ ли онъ тебя или Ипполита¹²⁵ — отвѣтъ былъ отрицательный.

Прощай, Папа, будь здоровъ. Пиши почаще.

Любящій тебя Николай.

Адресъ мой прежній. {С. 22}

[Помѣта: Письмо № 4. Получено 12 іюля 1868 г.]

ВКИКМЗ. НВФ-1685. Л. 15–22.

Н. В. Лукницкий — В. А. Лукницкому,
Керчь, 10 ноября 1868 года — Санкт-Петербург, 29 ноября 1868 года.

Керчь, 10 ноября.

Прости меня, Папа, что я такъ долго тебѣ не писалъ. Чувствую самъ, что очень давно, но что дѣлать — рѣшительно не было времени: то то, то другое, то третье и, смотришь, свободное время какъ-то незамѣтно улетаетъ.

Штукъ шесть-семь лежатъ у меня въ столѣ писемъ, начатыхъ къ тебѣ, и всѣхъ ихъ постигла одна судьба — не быть отправленными на почту, по самымъ многоразличнымъ причинамъ. Холодное время даетъ себя знать, и я изъ крѣпости уже переселился въ городъ на зимнюю квартиру. Сожитель мой батарейный уѣхалъ изъ Керчи, и я теперь живу одинъ. Работы мои прекратились съ наступившими холодами, чему я очень радъ, такъ какъ нѣтъ необходимости дуть каждый день изъ города въ крѣпость.

Дѣль вообще у меня много, и {С. 23} это обстоятельство заставляет меня не только не унывать, а, напротивъ, радоваться; положимъ, что это работы, не дающія выгоды, но это есть средство полученія впослѣдствіи чего-нибудь хорошаго; есть возможность заявить свою полезность тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе на рукахъ работъ въ видѣ моихъ построекъ, въ видѣ моихъ другихъ занятій. Это все равно, разумѣется, при условіи не запускать работъ и не надѣяться ни на кого, кромѣ себя.

Каждый здѣшній офицеръ до такой степени самостоятеленъ относительно своихъ работъ, что, кромѣ Строителя и Командира Команды, никому не подчиняется; эти же двое никогда не успѣваютъ, даже поверхностно, не говоря уже про подробное знаніе работъ каждаго офицера. Результатомъ самостоятельности неизбѣжно является и большая отвѣтственность.

Дѣло вообще у меня идетъ хорошо, и, хотя не состою въ числѣ офицеровъ {С. [23/1]} Команды, такъ какъ назначенъ уже изъ Петербурга, прямо въ Управленіе Строителя, но работы имѣю свои и даже принялъ недавно работы уѣхавшаго Францена¹²⁶. Этотъ вопросъ о состояніи въ Управленіи, ну, положительно, составляетъ мое горе и постоянную заботу, несмотря на то, что, состоя тамъ, а не въ Командѣ, я получаю еще лишнихъ 140 рублей столовыхъ. Вообще мнѣ надоѣла уже письменная дѣятельность, а теперь, кромѣ этого, нѣтъ времени положительно. И работы, и вмѣстѣ съ тѣмъ — сиди у Седергольма, да составляй проекты на неисчислимое количество самыхъ разнообразныхъ фантазій его. Для повѣрки отчетовъ и смѣтъ и составленія новыхъ проектовъ у него въ Управленіи только два по штату и въ наличности офицера: я, да еще нѣкто Ильинъ¹²⁷ — вслѣдствіе этого Седергольмъ меня не отпускаетъ отъ себя и не зачисляетъ въ {С. [23/2]} Команду. На настоятельныя мои требованія этого, въ виду желанія практической, а не письменной дѣятельности, онъ, наконецъ, согласился прикомандировать меня къ Командѣ, обѣщаясь, что, какъ только пріѣдетъ вновь назначенный сюда изъ Академіи офицеръ Катериничъ¹²⁸, онъ тотчасъ же переведетъ меня въ Команду. Согласно этихъ словъ Подымовъ тотчасъ же далъ мнѣ строить запасный огромный пороховой погребецъ на 10 тысячъ пудовъ пороху¹²⁹. Это было мѣсяца три тому назадъ. Какъ вдругъ дѣла перемѣнились.

Катериничъ еще до пріѣзда въ Керчь поступаетъ на желѣзную дорогу, а Ильинъ уѣзжаетъ въ отпускъ, я опять дѣлаюсь крайне необходимымъ у Седергольма, а Подымовъ стѣсняется мнѣ давать много работы, во 1) какъ уже имѣющему много занятій у Седергольма, а во 2) вслѣдствіе отношеній своихъ со {С. 24} Строителемъ, съ виду очень любезныхъ, а на самомъ дѣлѣ сильно натянутыхъ вслѣдствіе какихъ-то еще прежнихъ вопросовъ, разрѣшенныхъ не въ пользу Подымова. — «Я долженъ навѣрно знать, Ник[олай] Всев[олодовичъ], остаетесь Вы въ Управленіи Строителя или нѣтъ», — говоритъ онъ каждый разъ, когда я прошу у него ту или другую работу. Седергольмъ же, каждый разъ, когда я съ нимъ встрѣчаюсь, обѣщаетъ... и только. Но я этотъ вопросъ скоро рѣшу самъ. Почему мнѣ

лучше быть въ Командѣ, а не въ Управленіи, гдѣ я получаю еще лишннихъ 140 р. На это есть много причинъ, о которыхъ скажу когда-нибудь.

По-видимому, и Подымовъ, и Седергольмъ расположены ко мнѣ, а впрочемъ, въ душу человѣку не залѣзешь. Тутъ много значать и лица, окружающія того и другого: у каждаго изъ нихъ есть такой, который играетъ на немъ, какъ на фортепьяно. {С. 25}

Этотъ порядокъ дѣль еще не имѣеть на меня никакого вліянія и, вѣроятно, не будетъ имѣть. Остальной кружокъ здѣшнихъ инженеровъ, въ томъ числѣ и я, болтается между этими двумя нерасположенными одинъ къ другому представителями инженерства — Под[имовымъ] и Седергольмомъ, — часть кружка ближе къ одному, другая — ближе къ другому, — вслѣдствіе чего части эти не симпатизируютъ особенно другъ другу, но вмѣстѣ съ тѣмъ все же каждый, тотъ или другой изъ его членовъ, при каждомъ пустомъ случаѣ чувствуетъ на себѣ всю незаманчивость положенія *чуба у хлопца, когда паны дерутся*. Жалѣю объ одномъ, что я тебя, Папа, не вижу, а на бумагѣ долго передавать всѣ тѣ курьезы, которые случаются у насъ, собственно въ инженерномъ мірѣ, при 20 человѣкахъ офицеровъ-строителей.

Дошли до меня прискорбныя свѣдѣнія о Леонидѣ Лукичѣ. Что случилось, того не вернуть. Надо {С. 26} хлопотать и писать. Унывать нечего, надо только всегда *строго обдумывать* каждое дѣло, каждому человѣку и съ какими бы то ни было убѣжденіями, и взвѣшивать, раньше исполненія его, послѣдствія его во всевозможныхъ pro и contra. Кланяйся ему отъ меня, и, если онъ сокрушается въ случившемся, то это напрасно¹³⁰.

Отъ Вари получилъ письмо и отъ Севы тоже.

Затѣмъ, Папа, прощай, пиши и никогда не тревожься, если образуется нѣкій длинный антрактъ между извѣстіями обо мнѣ.

Поклонъ Аннѣ Михайловнѣ. Нашихъ всѣхъ поцѣлуй. У меня есть слабая надежда пріѣхать въ Петербургъ, но она, вѣроятно, осуществится не скоро. Разумѣется, въ отпускъ. Можетъ быть, даже и не въ будущемъ году.

Будь здоровъ, цѣлую тебя.

Николай. {С. 27}

[Помѣта: Письмо № 5. Получено 29 ноября 1868 г.]

ВКИКМЗ. НВФ-1685. С. 23, две страницы без номера, 24, 25, 27, 28 (без текста).

Н. В. Лукницкий — В. А. Лукницкому,

Керчь, 17 февраля 1869 года — Санкт-Петербург, 3 марта 1869 года.

Керчь, февраля 17го.

За разными хлопотами не пришлось мнѣ писать тебѣ, Папа, очень долгое время. Лѣтнее время кончилось, работы закрылись до весны, и практическая дѣятельность офицеровъ обратилась въ чисто теоретическую:

всѣ сидятъ, согнувши спины, и строчать отчеты по работамъ, словомъ, настало время письменное, несравненно худшее. Независимо отъ этихъ отчетовъ на меня взвалили и другія обязанности, какъ, напримѣръ, званіе бібліотекаря и начальника чертежной, которыя какъ ни малозначительны, но тѣмъ не менѣе отнимаютъ у меня все утро часовъ до трехъ. {С. 29}

Вечеръ остается для писанія отчетовъ, а то пойдешь къ кому-нибудь изъ нашихъ семейныхъ, вспомнивъ, что тамъ-то не было 3 мѣсяца, а тамъ-то и больше того. Идешь иногда безъ всякаго желанія, не выносишь, разумѣется, никакого удовольствія. Кромѣ впечатлѣній выигрыша или проигрыша, конечно, пустыхъ, и дѣлаешь это единственно съ тѣмъ, чтобы знакомство и добрыя отношенія не прервались, чѣмъ нужно бываетъ дорожить иногда при извѣстныхъ условіяхъ и службы, и жизни.

Вчера сдалъ одинъ законченный отчетъ по постройкѣ мною контръ-эскарповой галереи¹³¹, съ которымъ возился добрыхъ два мѣсяца, и въ виду отдыха принялся за письмо къ тебѣ. {С. 30}

Что же тебѣ писать, Папа? Ничѣмъ особенно похвастаться не могу — подожду, что скажетъ лѣто и работы; теперь же нахожусь, если не въ такомъ положеніи, какъ въ Петербургѣ, то немного лучше: мало еще ознакомился съ мѣстными условіями и не настолько еще успѣлъ заявить себя, чтобы порученія, которыя даютъ мнѣ, имѣли бы вліяніе на улучшеніе моей обстановки: разумѣю подъ этимъ работы, дающія возможность производителю ихъ сберечь копѣйку на черный день, безъ вреда кому бы то ни было.

Попользоваться чужимъ добромъ въ Керчи есть полнѣйшая возможность, и человѣкъ, не пренебрегающій средствами сколотить себѣ {С. 31} кое-что, безошибочно выѣдетъ изъ Керчи обезпеченнымъ и даже не пойманымъ въ мазурничество¹³² — другимъ словомъ, я не могу обрисовать способъ вымогательства у подрядчиковъ извѣстнаго процента при условіи, что трудъ нашъ правительствомъ вполне вознаграждается тѣмъ содержаніемъ, которое намъ даютъ, но такъ какъ желанія человѣческія-то вообще бываютъ неограниченны, то къ чести людей новаго времени и керченскихъ инженеровъ нужно отнести то, что они всѣ сплошь живутъ довольно бѣдно, не считая особенныхъ счастливыхъ, которые имѣютъ работы коммерческія. И духъ времени до того измѣнился противу прежняго, что не только не возьмутъ ничего съ {С. 32} подрядчика, но, напротивъ, даже запутавшемуся дадутъ всѣ льготы и войдутъ въ положеніе контрагента, если только онъ человѣкъ честный и силою обстоятельствъ, отъ него не зависящихъ, долженъ сдѣлаться неисправнымъ. Не знаю, какъ въ другихъ нашихъ округахъ, но на Кавказѣ сильно еще свирѣпствуетъ доброе старое время. Упоминаю обо всемъ этомъ потому, что какъ ошибочна молва людская, представляющая себѣ человѣка, носящаго званіе инженера, непремѣнно съ тугимъ карманомъ. Доля правды-то есть, впрочемъ, тутъ: по роду спеціальности, при извѣстной самостоятельности выполненія какой-нибудь постройки съ хозяйственной ея стороны, {С. 33} конечно,

тотъ смѣло можетъ назваться плохимъ инженеромъ, и еще болѣе плохимъ хозяиномъ, кто не сумѣетъ удешевить свою операцію, благодаря своей опытности, находчивости и знаніямъ, и прямо остатокъ не положить въ карманъ, какъ справедливое вознагражденіе именно за избытокъ у себя этихъ качествъ передъ другими, — вся бѣда въ томъ только, что заявлять громко о вознагражденіи себя за свое умѣнье повести полученное дѣло выполненіемъ, какъ слѣдуетъ, и даже сбереженіемъ части отпущенной суммы въ свою пользу, не позволить нашъ глупѣйшій канцелярскій порядокъ, прямо сующій вамъ въ носъ свои шнуровыя книги и требующій, чтобы дѣло ясное, и справедливое обратилось въ {С. 34} патентованное плутовство, въ которомъ *расходъ и приходъ на постройку* вѣрны до одной десятимилліонной части копѣйки.

Это относится къ тѣмъ инженерамъ, которые, благодаря чему бы тамъ ни было, но хозяева своей работы — съ технической и хозяйственной сторонъ. Ихъ мало, такъ какъ нужно заявить себя хорошимъ хозяиномъ, и всѣ они сколачиваютъ себѣ копѣйку путемъ честнымъ.

Стоустая молва не ихъ имѣла въ виду, говоря, что инженеръ немыслимъ безъ денегъ. Она имѣла въ виду огромное большинство другихъ, владѣющихъ извѣстной работой съ технической стороны, тогда какъ {С. 35} представителемъ той же работы съ хозяйственной стороны является подрядчикъ, мозолящій глаза инженеру стараго порядка постоянными полученіями огромныхъ кушей за труды инженера и по его квитанціямъ. Труды же эти не ставились правительствомъ ни въ грошъ, и производитель 100-т[ысячной] подрядной работы при постоянномъ усиленномъ трудѣ, и умственномъ, и физическомъ, пробавлялся съ семьей на 200–300 руб. въ годъ содержанія, голодалъ черезъ 2 дня въ третій.

Разумѣется, онъ начинаетъ брать и, сдѣлавши первый шагъ и видя, съ одной стороны, что семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ, а съ другой — что все наилучшимъ образомъ прикрывается шнуровыми книгами, {С. 36} онъ зарывался до того, что уже переставалъ видѣть въ этомъ что-нибудь дурное — результатомъ являлся кругленькій капиталецъ. Люди честные до глупости и рѣшавшіеся голодать, разумѣется, тотчасъ же выживались изъ среды негодяевъ — ими же самими.

Теперь дѣло измѣнилось, перваго шага къ почти невольному воровству дѣлать не приходится: инженеръ — не капиталистъ, но и не нищій, и живетъ безбѣдно, и стоустая молва, разсуждая по-прежнему, оказывается дуракомъ *pur sang*¹³³. Нѣтъ сомнѣнія, Папа, что я надоѣлъ тебѣ этими разглагольствованіями, но что дѣлать, у кого что болитъ, тотъ про то и говорить, жалко мнѣ и больно, что нашего брата вообще обижаютъ часто по отдѣльнымъ негодяямъ. {С. 37}

Чуть не суждено было отложить продолженіе письма этого до болѣе благопріятнаго времени. Живущій противъ меня нашъ же женатый инженеръ Черкасовъ, у котораго я, говоря къ слову, бываю на дню раза 2, если не больше, присылаетъ и проситъ на вечеръ. Отвѣтъ: «Извинись и

скажи, что флюсь» (дѣйствительно, щека что-то распухла). Такъ публика не вѣритъ, присылается записка Черкасова лаконическая: «Что Вы кокетничаете, приходите къ намъ — очень нужно». Ну, думаю, не надуешь; слѣдуетъ приличный отвѣтъ, и меня оставляютъ въ покоѣ. — Это, впрочемъ, почти единственные люди, гдѣ я бываю часто безъ всякихъ заднихъ мыслей. Самъ Черкасовъ {С. 38} одного со мною выпуска изъ Академіи и уже имѣетъ въ Керчи свой собственный цементный заводъ¹³⁴, о которомъ слава начала недавно гремѣть, и уже онъ получилъ огромный заказъ отъ К^о Полякова на Курско-Харьковско-Азовскую¹³⁵ желѣзную дорогу. Жена его очень милая барыня, красивая, но мы постоянно съ ней ссоримся, когда я говорю, что у нея мысли не слушаются никакого порядка. Допекаю ее за излишнее пристрастіе къ веселымъ, но безъ всякаго содержанія разговорамъ.

Строитель нашъ въ настоящее время въ Петербургѣ и всѣмъ заправляетъ Командиръ Команды или, какъ нынче называется, Керченскаго крѣпостного инженернаго управленія, Подымовъ. {С. 39}

Въ одномъ изъ писемъ моихъ къ Варѣ я просилъ выслать мнѣ карточки ея, брата, Нади, твою и Леонида Лукича. Повторяю снова свою просьбу, и удивляюсь, что они скупаются пожертвовать нѣсколько копѣекъ на то, что мнѣ положительно хочется имѣть, вѣдь Богъ знаетъ, когда свидимся.

Передай, Папа, что я прошу и прошу серьезно. Если любятъ брата — то пришлютъ. За моими, если только нужно, дѣло не станетъ¹³⁶ — въ какой угодно позѣ и въ любой формѣ, хоть *au naturel*¹³⁷.

Поцѣлуй всѣхъ ихъ и поклонись нянѣ. Надино байковое совсѣмъ истрепалось.

Любящій тебя Н. Лукницкій. {С. 40}

[Помѣта: Письмо № 6. Получено 3 марта 1869 г.]

ВКИКМЗ. НВФ-1685. С. 29–40.

Н. В. Лукницкій — В. А. Лукницкому,
Керчь, [13 апреля] 1869 года — Санкт-Петербург, 1 мая 1869 года.

Керчь.

Поздравляю тебя, Папа, со свѣтлымъ праздникомъ, котораго мнѣ приходится ждать еще цѣлую недѣлю¹³⁸. Къ тебѣ это письмо придетъ позже; раньше никакъ не могъ написать: цѣлыя 3 недѣли, вплоть до третьяго дня, я пробылъ въ Одессѣ, исполняя возложенное на меня порученіе по заказу для крѣпости желѣзныхъ воротъ. Три недѣли рыскалъ по заводамъ въ Одессѣ и Севастополѣ, соображая, гдѣ будетъ выгоднѣе для казны и успѣшнѣе для дѣла заказать ворота. Проѣхаться на казенный счетъ вдоль Южнаго берега Крыма былъ слишкомъ хорошій случай, {С. 41} и упустить его не слѣдовало.

Давнишнее желаніе мое познакомиться съ главнымъ мѣстомъ бойни Крымской кампаніи¹³⁹ удалось, наконецъ, осуществить, и я осмотрѣлъ не только Севастополь, но и поля сраженій при Альмѣ, Черной рѣчкѣ и Инкерманѣ¹⁴⁰. Самый Севастополь, несмотря на 13 лѣтъ, прошедших со времени его осады, представляетъ ужасный видъ: цѣлые кварталы въ развалинахъ по сіе время, населенія мало, строенія возводятся туго, и ничто не влечетъ никого даже поправить свои жилища. Съ уничтоженіемъ нашего славнаго когда-то Черноморскаго флота и Севастопольскихъ доковъ, стоившихъ миллионы, городъ погибъ, и погибъ навсегда. {С. 42}

Лучшими же и, конечно, самыми краснорѣчивыми памятниками того ужаснаго дѣла, которое разыгралось подъ Севастополемъ и въ немъ, служатъ могилы русскихъ и французовъ (англійскихъ не видалъ — далеко). Могилы французовъ представляютъ довольно обширный садъ, обнесенный каменнымъ заборомъ, посреди сада — огромный каменный склепъ съ надписями погребенныхъ подъ нимъ генераловъ и штабъ-офицеровъ (первый, какъ осталось у меня въ памяти, Bizot, general de la division¹⁴¹). Затѣмъ вдоль забора 17 такихъ же склеповъ по вѣдомствамъ и бригадамъ. Имена офицеровъ выписаны снаружи на мраморныхъ доскахъ, а кости солдатъ — въ общей могилѣ. {С. 43} Для присмотра за кладбищемъ французское правительство прислало своего смотрителя, который тутъ же и выстроилъ себѣ домикъ, — его зовутъ Declin.

Русское кладбище¹⁴² занимаетъ по другую сторону города огромное пространство, оно еще не кончено, но видъ ужасный: вообрази, есть могилы, наприимѣръ, какъ Волынскаго полка, гдѣ въ одной ямѣ, подъ общимъ громаднымъ камнемъ похоронено 500 и 1000 труповъ. Лучшій памятникъ, который положительно составляетъ диво, это Горчакову¹⁴³, затѣмъ громадный мраморный обелискъ, подъ которымъ, судя по множеству фамилій, находятся чуть ли не всѣ офицеры Волынскаго пѣхотнаго полка и проч. Хотя грустно вспоминать объ этомъ <...> {С. 44}

<...>¹⁴⁴ отправленъ за границу на казенный счетъ, а Игнаціусъ¹⁴⁵, какъ я уже сказала, — въ Петербургъ. Остается только трое: я, Вороновъ и Рамбахъ¹⁴⁶, и на насъ-то, несчастныхъ, вѣроятно, распредѣлятъ всѣ работы уѣзжающихъ. Барона Роппа считать нельзя, такъ какъ онъ имѣетъ особенную огромную работу: постройку загражденія¹⁴⁷ входа въ Азовское море и 16-ти орудійную морскую батарею на коммерческомъ правѣ¹⁴⁸. Сознавая трудность нашихъ предстоящихъ занятій, Строитель крѣпости хочетъ войти съ предложеніемъ не присылать изъ Петербурга новыхъ офицеровъ, а увеличить наше содержаніе. Не знаю, удастся ли это.

Въ общественной жизни Керчи {С. 47} не принимаю никакого участія, будучи по горло сытъ дѣломъ служебнымъ.

Отъ Вари получилъ письмо и, признаться сказать, грустно мнѣ очень стало. Нельзя ли его куда лучше пристроить, а то вѣдь 360 р. на семью — это ужасно. Я глубоко убѣжденъ, что, если у Никольскаго¹⁴⁹ есть желаніе и охота вспоминать изрѣдка обязанности, налагаемыхъ на него совѣстью,

то онъ будетъ и *можетъ* трудиться, и съ этихъ 360 рублей можно передвинуться дальше. Но достаточно ли онъ энергиченъ, что[бъ] преодолѣтъ первыя трудности?

Вообще я этого дѣла совершенно не знаю; ни того, что случилось, ни того, что теперь дѣлается, и прошу {С. 48} тебя, Папа, если ты знаешь настоящее положеніе дѣла, сообщи мнѣ его во *всѣхъ подробностяхъ*.

Будемъ думать вмѣстѣ, нельзя ли что сдѣлать.

Нельзя ли ему какъ-нибудь по торговой части — мѣста есть очень хорошія, на которыя безъ стыда, и съ удовольствіемъ, слѣдуетъ промѣнять мундиръ чиновника, съ вышитымъ воротничкомъ и съ пустымъ карманомъ. Неужели и Манакинъ¹⁵⁰, и Ипполитъ¹⁵¹, и всѣ его знакомые такіе свиньи, что не хотятъ похлопотать о доставленіи ему мѣста въ какой-нибудь торговой конторѣ или въ другомъ мѣстѣ. Впрочемъ, что Ипполитъ сволочь, это мнѣ давно уже очень хорошо извѣстно. Смотри же, Папа, напиши мнѣ просимое. {С. 49}

Съ Сашей Филипповымъ¹⁵² я расплатился окончательно, а относительно Федерольфа я и забылъ тебѣ написать въ прежнихъ письмахъ: онъ вѣдь подавалъ, кажется, полгода тому назадъ на меня жалобу въ Главное инженерное управленіе, и къ намъ была прислана бумага съ предложеніемъ заплатить портному; я сейчасъ же и выслалъ.

Прощай, Папа, напиши о здоровьѣ, о Варѣ, пришли въ 5-й разъ просимыя карточки: твою, Нади, Вари и Мурзика.

Посылаю тебѣ 25 р., если буду въ состояніи, еще пришлю, а пока извини, что мало. Варѣ тоже съ этой почтой посылаю 25.

Прощай, любящій тебя Н. Лук[ницкій].

Кланяйся Аннѣ Михайловнѣ. {С. 50}

[Помѣта: Письмо № 7. Получено 1 мая 1869 года; На это письмо отвѣчалъ 25 октября за № 10; Съ карточкой моей¹⁵³ послано Колѣ письмо 30 декабря 1869 года за № 11]

ВКИКМЗ. НВФ-1685. С. 41–44, 47–50. Как минимум один лист письма отсутствует; внутри письма после стр. 44 приплетена телеграмма.

Н. В. Лукницкий — В. А. Лукницкому,

Керчь, 7 сентября 1869 года — Санкт-Петербург, 8 сентября 1869 года.

Телеграфъ

7 сентября мѣсяца 1869 года

Подана — изъ Керчи, телеграмма № 214

Получена — Петербургъ

Пбгъ, 2^я рота Измайловскаго полка¹⁵⁴, домъ Шахова, Лукницкому

Я здоровъ, писать нѣтъ времени. У насъ Тотлебенъ¹⁵⁵. Все идетъ хорошо. Лукницкій

[Помѣта: Письмо № 8. Получено 8 сентября 1869 года; На эту телеграмму отвѣчалъ письмомъ отъ 27 сентября 1869 года за № 9] {С. 45}

ВКИКМЗ. НВФ-1685. С. 45 и, очевидно, 46 (на обороте).

Н. В. Лукницкий — В. А. Лукницкому,
Керчь, 28 сентября 1869 года — Санкт-Петербург, 16 октября 1869 года.

28 сентября, Керчь.

Дорогой Папа,

Тотлебенъ уѣхаль и далъ намъ всѣмъ вздохнуть. Въ продолженіе трехъ недѣль онъ осматриваль крѣпость, знакомился со всѣми офицерами и, разумѣется, остался вполне доволенъ¹⁵⁶. Не имѣя въ это время свободнаго часа, но помня, что давно тебѣ не писалъ, я отправилъ телеграмму, чтобы успокоить тебя насчетъ моего долгаго молчанія.

Но ты мнѣ тоже давно ничего не писалъ, и я не знаю, чему приписать это. Здоровъ ли ты? Даже о твоей отставкѣ я узналъ лишь изъ «Русскаго инвалида»¹⁵⁷.

Крупнѣйшей нашей новостью есть отъѣздъ начальника нашего Крѣпостнаго управленія полковника Подымова въ Одессу¹⁵⁸ на мѣсто умершаго начальника {С. 51} инженеровъ Одесскаго округа, полковника Квиста¹⁵⁹, вмѣсто же Подымова назначенъ къ намъ нашъ общій знакомый. Какъ ты думаешь, кто? Подполковникъ Малашевъ¹⁶⁰, тотъ самый, къ которому ты обращался въ Главномъ инженерномъ управленіи насчетъ моего перевода съ Кавказа.

Признаться сказать, когда онъ къ намъ пріѣхаль, я отнесся къ нему съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, основаннымъ на твоёмъ разсказѣ о его не деликатности. Впослѣдствіи уже я къ нему присмотрѣлся, и вижу, что онъ человекъ, кажется, порядочный и справедливый, но чрезвычайно раздражительный и нервный. Это надо приписать его нездоровью.

Впрочемъ, можетъ быть, я и ошибаюсь: {С. 52} онъ у насъ еще очень недавно. Увидимъ, что дальше будетъ. О случаѣ съ тобой, разумѣется, и помину не было, а, судя по обращенію его со мной, весьма ласковому, надо полагать, что онъ не только не помнитъ ничего, но, напротивъ, причиною совершеннаго имъ тогда невѣжества была просто болѣзненная раздражительность, каковою онъ и здѣсь отличается. Въ сущности же человекъ очень добрый.

Такъ какъ онъ еще очень молодъ и, кромѣ того, незнакомъ еще совершенно съ чрезвычайно сложнымъ механизмомъ постройки крѣпости въ хозяйственномъ отношеніи, то первое время очень трудно и ему, и намъ. Но со временемъ обойдется.

Строитель крѣпости Седергольмъ 30 августа произведенъ въ генералы¹⁶¹. {С. 53}

Мои дѣла немного становятся лучше, но только занятій ужасно много; рѣшительно изъ дому ни шагу.

Поселился я на новой квартирѣ и живу съ нашимъ же инженеромъ подполковникомъ Игнаціусомъ, недавно переведеннымъ съ Кавказа. Теперь онъ въ Петербургѣ, куда отправленъ Тотлебенемъ по дѣлу напечатанія «Исторіи дѣятельности Кавказскихъ инженеровъ за послѣдніе 50 лѣтъ»¹⁶², написанной Игнаціусомъ. Съ отъѣздомъ Подымова и наша инженерная братія стала разъѣзжаться: *Геммельманъ*¹⁶³ назначенъ начальникомъ сева-стопольской дистанціи¹⁶⁴ Деппъ¹⁶⁵ переведенъ въ Одессу, Никулищевъ и Клиндеръ¹⁶⁶ — въ Варшаву, Черкасовъ <...>¹⁶⁷ {С. 54}

[Помѣта: Письмо № 9. Получено 16 октября 1869 года]

ВКИКМЗ. НВФ-1685. Л. 65–109. С. 51–54.

Н. В. Лукницкий — В. А. Лукницкому,

Харьковъ, 9 февраля 1870 года — Санкт-Петербург, 9 февраля 1870 года.

Телеграфъ

9 февраля мѣсяца 1870 года

Подана — изъ Харькова, телеграмма № 1135

Получена — Петербургъ

Пбгъ, 2-ая рота Измайловского полка, домъ Шахова, Лукницкому

Началъ марта въ Петербургѣ Февраль пробуду Курской губерніи по служебнымъ дѣламъ Лукницкій {С. 55}

[Помѣта: Письмо № 10]

Телеграмма (Письмо № 10) на фотоплѣнке отсутствует, хотя её левый край с пометкой «№ 10» хорошо виден в кадре заснятого листа № 54. Текст сохранился только в «чёрной тетради» А. Н. Лукницкого [1]. Очевидно, в переплѣте телеграмма имела постраничные №№ 55 и 56 (на обороте, без текста).

Н. В. Лукницкий — В. А. Лукницкому,

Суджа, 21 февраля 1870 года — Санкт-Петербург, 27 февраля 1870 года.

Гор. Суджа¹⁶⁸, 21 февраля 1870 г.

На дняхъ, дорогой Папа, я кончу здѣсь свои дѣла, и надо полагать, что около 10 числа буду въ Петербургѣ. Предвидя еще въ Керчи, передъ самымъ выѣздомъ, что три данныя мнѣ порученія отнимутъ у меня все свободное время, по крайней мѣрѣ, на мѣсяць или на два, я, чтобы успокоить тебя насчетъ моего здоровья, послалъ тебѣ изъ Харькова телеграмму и этимъ достигъ двухъ цѣлей разомъ, т. е. убилъ двухъ зайцевъ, чего по пословицѣ русской никогда не достигнешь, если за обоими погонишься: во 1) не потратилъ даромъ времени на письмо, а во 2) далъ тебѣ о себѣ знать и, если поступокъ мой по израсходованіи на телеграмму 2 руб. сер[ебромъ] показался бы вторично {С. 57} Шаховымъ возмутительнымъ

мотовствомъ, то что же дѣлать, пришлось бы успокаивать себя тѣмъ, что во 1) горбатаго могила исправить, а во 2) тѣмъ душевнымъ состояніемъ, которое испытываетъ субъектъ, чувствуя и понимая ясно, что онъ не Шаховъ.

Порученія, данныя мнѣ моимъ начальствомъ въ Керчи, т. е. Малашевымъ, послѣ выраженного мною ему на то согласія, состояли въ слѣдующемъ: 1) Въ Севастополѣ заказать и заключить контрактъ на постройку для крѣпости желѣзныхъ воротъ. Заказъ и контрактъ состоялись уже въ тамошнемъ Адмиралтействѣ Русскаго общества пароходства и торговли. Это порученіе мною уже выполнено. {С. 58} 2) Въ Курской губерніи нанять для казеннаго кирпичнаго Фанагорійскаго завода¹⁶⁹ 130 человѣкъ кирпичниковъ и рабочихъ для выдѣлки кирпича. Это порученіе почти уже исполнено: люди наняты, получили отъ меня задатки, контрактъ готовъ, но долженъ здѣсь подождать выхода людей изъ Суджи для выдачи имъ проходнаго листа¹⁷⁰ до Керчи, проходныхъ денегъ и проч. Эта отправка будетъ происходить 3 марта, и затѣмъ 3) я долженъ выполнить третье порученіе, заключающееся въ осмотрѣ толевыхъ (толь — матеріаль для покрытія крышъ) заводовъ въ Москвѣ, Твери и Петербургѣ, и въ покупкѣ для крѣпости назначеннаго мнѣ въ предписаніи количества толя на {С. 59} томъ изъ заводовъ, на которомъ я признаю сдѣлать это болѣе выгоднымъ для казны, какъ относительно качества толя, такъ и относительно цѣны его. Можетъ быть, это третье порученіе я выполню и при обратномъ движеніи изъ Петербурга, гдѣ я долго пробыть не имѣю права, а можетъ быть, и до вѣзда въ столицу — это я еще не рѣшилъ, и потому-то не могу точно опредѣлить время моего пріѣзда. О квартирѣ, Папа, во всякомъ случаѣ, не хлопочи: короткое время, которое я пробуду въ Петербургѣ, и частыя свиданія съ заводчиками дѣлаютъ для меня самымъ удобнымъ помѣщеніемъ какой-нибудь небольшой нумерокъ {С. 60} въ гостиницѣ или *chambre garnie*¹⁷¹. Порученія эти были для меня совершенно неожиданны — даны за два дня до вѣзда изъ Керчи и отказаться отъ нихъ, послѣ того какъ Малашевъ спросилъ, желаю ли я ѣхать, было бы смѣшно, хотя, кромѣ прогоновъ и 45 коп. въ сутки, ничего не даютъ. Во всякомъ случаѣ, упустить такой прекрасный случай повидаться съ тобою и съ нашими было бы неблагоприятно.

Бѣдствовалъ по слякоти въ бричкѣ версть 900 до станціи Лозовой¹⁷² на Харьковско-Курско-Азовской желѣзной дорогѣ. Отъ Курска тоже по Кіево-Курской чугункѣ, или, какъ здѣсь называютъ крестьяне, «огнянкѣ», доѣхалъ до станціи Коренево¹⁷³, {С. 61} [¹⁷⁴ближайшей отъ Суджи (37½ версть), и опять эти несчастныя 37 версть на перекладной. Попалъ въ дорогѣ на страшную снѣжную метель, сбился съ дороги и очутился верстахъ въ пяти отъ почтоваго тракта, около имѣнія какихъ-то Сильверсванъ¹⁷⁵.

Въ Суджу, гдѣ обыкновенно, по заведенному уже порядку однимъ офицеромъ, нанимаютъ для завода людей, пріѣхалъ 10 февраля и вотъ толь-

ко сегодня 21го, т. е. через 11 дней, сдѣлать главное по найму; сидѣть и скучать еще до 3 или 4 марта. Кто нанималъ для казны людей въ такомъ количествѣ, кто знаетъ нашъ русскій народъ, когда разомъ {С. 62} говорятъ 130 человекъ и унять ихъ нельзя ни словами, ни угрозой, кто знаетъ всѣ формальности, которыя требуетъ казна въ израсходованіи каждой копѣйки, тотъ только пойметъ, сколько труда и усилій стоило мнѣ согласить и уладить дѣло, помимо разныхъ удостовѣреній, свидѣтельствъ, паспортовъ, расписокъ и проч. Въ Керчь вчера послалъ телеграмму (жалко, что Шаховъ-то*¹⁷⁶ не знаетъ) о состоявшемся наймѣ, цѣнахъ и днѣ прихода рабочихъ въ Керчь. Паспорта и всѣ документы отсылаю сегодня страховою посылкою на имя Крѣпостного управленія. {С. 63}}

Жалѣю объ одномъ, что блиновъ-то не пришлось у васъ поѣсть — здѣшній народъ и этого-то не умѣетъ сдѣлать, а еще русскіе — ужъ чего бы, кажется, на все мастера. Что дѣлать, хоть попостить въ Питерѣ съ вами, а Свѣтлаго, вѣрно, не захвачу¹⁷⁷.

Спасибо, Папа, за карточку — я ее получилъ и нахожу, что хорошо сдѣлана, и еще обновка — шинель мнѣ незнакомая. Поцѣлуй Варю и Надю. Поклонъ Леониду Лукичу.

До скорого свиданія. Любящій тебя Никол[ай] Лукниц[кій].

Въ Петербургѣ теперь четверо нашихъ, керченскихъ¹⁷⁸, и, въ томъ числѣ, Строитель — ген.-майоръ Седергольмъ. {С. 64}

[Помѣта: Письмо № 11. Получено 27 февраля 1870 года]

ВКІКМЗ. НВФ-1685. С. 57–61, 64. Две страницы в фотоплѣнке не пересняты, пропущены, вероятно, по невнимательности (не разъединены листы).

Комментарии

¹ Письмо датировано исходя из содержания.

² Первый (возможно, и не один) лист письма № 1 не сохранился и не учтён при нумерации листов в переплёте.

³ *Екатеринослав* (др. названия — Новороссийск, Днепропетровск), ныне — Днепр (Украина).

⁴ *Мамонтов Иван Фёдорович* (1802–1869), крупный российский предприниматель, отец известного мецената Саввы Мамонтова, владел в Москве несколькими гостиницами. Наиболее известными считались «Лоскутная» (Тверская ул.) и «Мамонтовское подворье» (Раушская наб.) [2, с. 492, 684].

⁵ *Тула* — станция на линии строившейся Московско-Курской железной дороги, поезда от Тулы до Курска пойдут только в сентябре 1868 г.

⁶ О каком генерале-родственнике идёт речь, установить не удалось.

⁷ В ходе дальнейшего строительства железная дорога протянется в 1869 г. от Курска через Харьков к Ростову-на-Дону, но пока на юг можно было добраться только по почтовым трактам.

⁸ *Салон* (фр. *Salope*) — верхняя женская одежда, широкая длинная накидка с прорезами для рук или с небольшими рукавами, часто на подкладке, вате или меху.

⁹ Очевидно, автор делает отсылку к роману Александра Дюма (сына) «Дама с камелиями», главная героиня которого Маргарита Готье — куртизанка.

¹⁰ *Бурнус* (фр. *Burnous*) — плащ с капюшоном, сделанный из плотной шерстяной материи, обычно белого цвета.

¹¹ *Вельзевул* или *Веельзевул* — глава демонов, или князь бесовской в Новом Завете.

¹² Город *Фатеж* Курской области, расположен на берегу реки Усожа в 45 км к северо-западу от Курска.

¹³ Женские певческие голоса (итал. *Alto* — низкий), (итал. *Soprano* — высокий).

¹⁴ Город *Харьков* — губернский, а ныне областной центр (Украина).

¹⁵ *Гигрометр* — измерительный прибор, предназначенный для определения влажности воздуха.

¹⁶ *Чернь* — ныне посёлок городского типа в Тульской области, 104 км к югу от Тулы.

¹⁷ Третья станция от Курска — *Дрозды*. Ныне — хутор, входящий в сельское поселение Котельниковского сельсовета Обоянского района Курской области.

¹⁸ Имеется в виду ст. *Подгородное* в 15 верстах от Екатеринослава. Ныне одноимённый город, постепенно сливающийся с областным центром — г. Днепром (Украина).

¹⁹ *Днепр* — третья по площади бассейна река Европы, протекает по территории трёх государств — России, Белоруссии и Украины. На её берегах расположены более 50 больших и малых городов.

²⁰ Так в тексте, но идентичная ошибка в названии Екатеринослава неоднократно встречается и на картах Российской империи [см. 28], и употреблялась, судя по письму, в разговорной речи.

²¹ На дорожных картах — ст. *Дмитриевская*, в 59 верстах, не доезжая до Екатеринослава. Ныне — село Дмитриевка Спасского сельсовета Новомосковского района Днепропетровской области (Украина).

²² *Нева* — река в России, протекает по территории Ленинградской области и Санкт-Петербурга, соединяет Ладожское озеро с Финским заливом Балтийского моря.

²³ *Капитан Дмитриюков Николай Алексеевич* (?–1870) — военный инженер, выпускник Николаевской инженерной академии (1859), в 1860 г. — поручик в ведомстве Строителя Керчь-Еникальских укреплений [41, с. 26], на момент встречи с автором служил в Киевском крепостном инженерном управлении, в Керчь был возвращён только в октябре 1869 г. [26].

²⁴ *Орёл* — город в Европейской части России, в 368 км к юго-западу от Москвы.

²⁵ В данном контексте, согласно В. И. Далю [см. 24] — это повёрстная плата за проезд по почтовым дорогам.

²⁶ *Жид* — это не только то же, что еврей, но и этноним, имеющий уничижительный, презрительный смысл («скупец, скряга, корыстный скупец» — по В. И. Далю) [см. 24]. Хотя в XIX веке в России слово «жид» уже официально не употреблялось, но на бытовом уровне широко использовалось до конца столетия даже в интеллигентской среде.

²⁷ Телеграфная связь в России начала развиваться одновременно со строительством железных дорог и сначала использовалась исключительно для военных и государственных целей. Первая публичная *телеграфная станция* была открыта 1.10.1853 г. в зданиях Николаевских вокзалов в Москве и Санкт-Петербурге. К 1867 г. телеграфные линии соединяли все губернские города Европейской России, протянувшись до Закавказья.

²⁸ *Мелитополь* — уездный город, ныне — районный центр в Запорожской области (Украина).

²⁹ То есть посредничество. *Фактёр* — комиссионер, сводчик, исполнитель частных поручений [см. 24].

³⁰ *Александровск* (др. название — Московка — по одноимённой реке) своим названием обязан заложенной в 1770 г. Александровской крепости. В 1921 г. переименован в Запорожье (Украина).

³¹ *Орехов* — город в Запорожской области (Украина).

³² Существовала здесь и почтовая ст. *Воронцовская*. О судьбе этого селения сведений нет.

³³ Очевидно, в смысле «впавший в отчаяние (безнадёжность, уныние)».

³⁴ Пасха в 1868 г. праздновалась 31 марта.

³⁵ *Подорожная* — официальный документ (проездное свидетельство), удостоверяющий право пассажира пользоваться для передвижения определённым количеством почтовых лошадей. По «казённой надобности», как в данном случае, выдавалось по предписаниям генерал-губернаторов или губернаторов или от полицейских управлений, но «по требованиям начальств» [36, с. 168].

³⁶ То есть повозка почтового смотрителя.

³⁷ Правильно: *Солодкая Балка* (Сладкая Балка) — ныне село в Токмакском районе Запорожской области (Украина).

³⁸ *Токмак* — ныне город в Запорожской области (Украина).

³⁹ *Гольбштадт* или *Гальбштадт* (нем. *Halbstadt* — полугород), ныне — г. Молочанск (с 1915 г.) Запорожской области (Украина).

⁴⁰ *Альтенау* (нем. *Allzu nah* — слишком близко) — бывшая немецкая колония; ныне — село Травневое в Запорожской области (Украина).

⁴¹ *Геничск* — в XIX веке местечко, ныне — город, районный центр в Херсонской области (Украина).

⁴² *Арабат, Арабатская стрелка* (Цениске, Еначи) — узкая длинная перемычка, отделяющая Сиваш от Азовского моря. Географически её территория — часть Крымского полуострова — границей разделена ныне между Республикой Крым (Россия) и Херсонской областью (Украина).

⁴³ *Сиваш* (тюрк. *Сываш* — грязь) или Чюрюк денгиз (тюрк. *Чюрюк денгиз* — «гнилое, вонючее море») — залив Азовского моря, отделённый от него Арабатской стрелкой.

⁴⁴ Пролив *Тонкий* или Геничский (Еничичи) — отделяет Арабатскую стрелку от материка.

⁴⁵ *Арабат* — название крепости, упразднённой после Крымской войны (араб. *Рабат* — «предместье, городская стена, постоянный двор»). В описываемый период небольшое одноимённое селение у стен крепости с узловой почтовой станцией. Деревня Арабат была переименована в Рыбацкое (1948), а в 1963 г. исключена из учётных данных.

⁴⁶ Ст. *Азбердинская* (др. название — Акимовская), ныне — пгт Акимовка Запорожской области (Украина).

⁴⁷ Станция *Шеклинская* — ныне не существует.

⁴⁸ Правильно: *Тревогинская* станция. Находилась, в действительности, на расстоянии 24 вёрст, не доезжая до ст. Шеклинской [см. 56]. Ныне не существует.

⁴⁹ Почтовая станция *Власенка* — ныне не существует.

⁵⁰ Станция *Султановка*, ныне — с. Горностаевка Ленинского района Республики Крым (Россия).

⁵¹ *Hôtel St. Petersburg* в Керчи. Возможно, речь идёт о гостинице, принадлежавшей, по сведениям 1863 г., Мишелю Русу и находившейся на главной Воронцовской улице в доме Мазани вблизи почтовой станции, располагавшейся на Соборной площади. На вышеназванной улице располагались также почтовая контора и телеграфная станция, откуда можно было отправить корреспонденцию [42, с. 159, 161]. Гостиницу «Петербургскую», называя её одной из лучших в городе, кратко описывает побывавший в Керчи в конце лета 1868 г. И. Р. фон дер Ховен (1812–1884), выпускник Царскосельского лицея, историк и этнограф, полковник, участник Кавказской войны. Не живя в ней, он приходил сюда в чистый, хорошо убранный небольшой зал с колоннами и обедал за опрятно сервированным столом, как и многие горожане, не имевшие своего домашнего хозяйства. Пища была «качества довольно хорошего», а цена за порцию не превышала 20 коп. [79, с. 593–594].

⁵² *Пóртер* (англ. Porter — носильщик, грузчик) — тёмное крепкое пиво с характерным винным привкусом, сильным ароматом солода и насыщенным вкусом. Стал производиться с первой половины XVIII в. в Англии под названием Porter's ale («эль портовиков») и был предназначен для людей, занимающихся тяжёлым трудом в порту.

⁵³ На ту пору в городе имелись четыре небольшие фабрики, располагавшиеся в арендованных домах по ул. Воронцовской и тут же реализовывавшие свою продукцию. Можно было даже наблюдать сам процесс изготовления табачных изделий [8, с. 322; 42, с. 161; 79, с. 590].

⁵⁴ *Воронов Иван Алексеевич*, военный инженер, выпускник Николаевской инженерной академии (1864), однокашник Н. В. Лукницкого. По окончании академии в чине поручика был направлен в распоряжение Строителя Керчь-Еникальских укреплений. В 1877 г. продолжал служить в крепости, имел чин подполковника [54, с. 4]. В изданном им в «Русском архиве» в 1884 г. (том XLIII) кратком очерке, посвящённом памяти графа Э. И. Тотлебена, он представлен как отставной инженер-полковник из Таганрога.

Имя Воронова долгое время сохранялось в названиях построенной им вблизи крепости Керчь пристани (для нужд строительства каменного подводного заграждения) и появившейся на ней в 1889 г. Вороновской спасательной станции. Отсюда при замерзании пролива осуществлялась на лодках почтовая связь с косой Тузла. Ныне об этом предприимчивом офицере напоминает только «Воронов (Вороновский) спуск» — по этой балке дорога некогда вела к названному причалу [64, с. 459–460].

⁵⁵ *Седергольм Карл Эрикович* (Карл Роберт) (1818–1903), генерал-лейтенант (1881), военный инженер, писатель, философ, археолог. В 1865–1877 гг. руководил постройкой крепостных укреплений в Керчи, затем до 1882 г. — комендант крепости. В городе в эти годы он приобрёл широкую известность. Благодаря его стараниям, был восстановлен и открыт для посещений в 1875 г. Мелек-Чесменский курган, смотрителем которого он оставался до 1878 г. За заслуги перед археологией был избран 29.09.1875 г. действительным членом Одесского общества истории и древностей.

⁵⁶ *Подымов Александр Дормидонтович* (1824–1909) — инженер-генерал (1896), выпускник Главного инженерного училища (1843) и офицерских классов этого учебного заведения (1845). 4 июня 1861 года назначен помощником Строителя Керчь-Еникальских укреплений, а 13 августа 1864 года — командиром Керченской инженерной команды.

Занимал эту должность до 21 июля 1869 г. [40, Пр. № 86]. Участник Кавказской войны в 1850–1853 и 1855 гг., Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. [16, с. 320].

⁵⁷ Так в тексте. Очевидно, в несохранившихся начальных страницах письма были упомянуты самые близкие родственники.

⁵⁸ *Никольский Леонид Лукич*, служащий Окружного суда в Санкт-Петербурге, зять Н. В. Лукницкого.

⁵⁹ *Федерольф Карл Генрих* — портной [17, с. 491, 151 — IV отд.], см. окончание письма № 7.

⁶⁰ *Мария Павловна Шахова* (?–1893) — супруга И. И. Шахова, родственника Н. В. Лукницкого по материнской линии; Дмитрий Павлович, вероятно, её брат. Анна Михайловна — неустановленное лицо.

⁶¹ Второе письмо от февраля 1868 г. не обнаружено.

⁶² По сведениям 1867 г., расстояние от столицы до Керчи составляло 1972½ версты, а до Москвы — 1400¾ версты [36, с. 133].

⁶³ Этой строкой текст на странице заканчивается. Неясно, почему не отснята следующая страница, явно существовавшая, что хорошо заметно на фотокопии. На ней при желании можно было разместить в два столбца названия последующих оставшихся 40 с лишним станций на пути к Керчи.

⁶⁴ *Варя* — сестра Н. В. Лукницкого, супруга Л. Л. Никольского.

⁶⁵ Неустановленное лицо.

⁶⁶ В этом городе Н. В. Лукницкий находился с сентября 1864 по февраль 1865 г., а в целом до перевода в Петербург в Главное инженерное управление (август 1867 г.) прослужил в Кавказском военном округе три года [47, с. 294] и домой возвращался через Тифлис.

⁶⁷ *Никулицев Александр Иванович* (1838–1888), военный инженер, выпускник Николаевской инженерной академии (1863), штабс-капитан в Керченском инженерном управлении [31, с. 144, прилож.]. 7.11.1869 г. переведён в Варшавский военный округ.

⁶⁸ Будучи центром Керчь-Еникальского градоначальства, Керчь после разорительной Крымской войны продолжала оставаться относительно небольшим городом, едва восстановив, прежде всего, благодаря строительству крепости, довоенный уровень населения, которое составляло уже в 1864 г. в целом по градоначальству более 19 тыс. человек, включая 6,2 тыс. регулярных войск и около 8 тыс. в самом городе [43, с. 4, отд. II]. Внешнюю привлекательность города, построенного/возрождённого в течение четырёх предшествующих десятилетий на месте бывших турецкой крепости и форштадта, отмечали многие современники, считая его одним из лучших на Крымском полуострове.

⁶⁹ Театр появился в Керчи ещё до Крымской войны, в ходе которой был сильно разрушен и не восстановлен. Новое здание театра было построено в 1861 г. Е. Д. Хаджопуло и оставалось довольно долго в последующем собственности этого семейства. С керченской сценой связан один из эпизодов творческой биографии великого русского актёра М. И. Щепкина, выступавшего в городе летом 1863 г. незадолго до своей кончины [7, с. 239–240, 242].

⁷⁰ Начало озеленению города было положено задолго до Крымской войны закладкой совершенно небольшого сквера у моря, на площади Малого фонтана, официально именуемого городским садом (садиком), а в народе прозванном, словно в насмешку, «Лизинной рощей». Продолжением сквера стал Приморский бульвар, и в последующие десятилетия не отличавшийся обилием древесных насаждений [34, с. 248; 64, с. 474–475].

⁷¹ Современные названия — улицы Ленина и Карла Маркса (с января 1921 года).

⁷² Очевидно, речь идёт только о центральной части города, поскольку в целом по градоначальству ещё в 1864 г. числилось 10 цирюльников с 4 подмастерьями и 2 учениками [43, с. 29, отд. II]. Судя по более ранним сведениям, в этой профессии преобладали армяне, в том числе и турецкоподданные [42, с. 235].

⁷³ Речь идёт об *Английском аристократическом клубе*, основанном в 1838 г., и клубе коммерческом, который открылся 30 октября 1868 года и предназначался для среднего класса, т. е. для других сословий — почётных граждан и купцов [52; 44, с. 105].

⁷⁴ *Керченская общественная библиотека* помещалась в беседке городского садика (сквера) на Фонтанной площади (место расположения современного кинотеатра «Украина»). Возможно, автор сетует по поводу специальной литературы, прибрести которую из-за отсутствия в городе книжных магазинов можно было только в Одессе. Библиотека в целом обладала большим выбором книг различного содержания, имелись и периодические издания, журналы и газеты. В 1864 г. в фондах библиотеки насчитывалось 1750 книг и брошюр, а число читателей составляло 134 чел. [43, с. 90–91].

⁷⁵ Непонятно, на чём основаны эти обвинения, скорее всего, на каких-то злонамеренных слухах. Музей древностей, открытый в 1826 г., подчинялся в это время Императорской Археологической комиссии и передавал находимые им музейные артефакты в Императорский Эрмитаж, оставляя у себя малозначимые или дублетные экземпляры. Возглавлял учреждение на протяжении четверти века, начиная с 1853 г., очень уважаемый археолог — Александр Ефимович Люценко (1807–1884), статский советник, уроженец Санкт-Петербурга (по профессии инженер путей сообщения), сделавший немало интересных открытий, в том числе и на территории строившейся крепости, превративший в музейные объекты Царский и Мелек-Чесменский курганы (последний с участием военных инженеров-строителей). И. Р. фон дер Ховен даже поверхностно, по его словам, осмотревший в 1868 году музей, был впечатлён увиденным и, описывая многообразие представленных экспонатов, характеризует директора Музея древностей как необыкновенно деятельного, сведущего и энергичного руководителя [79, с. 592–593].

⁷⁶ *Спицын Александр Петрович* (1810–1888), герой обороны Севастополя, адмирал, Керчь-Еникальский градоначальник (1857–1875). Принимая во внимание его большие заслуги перед городом, Керчь-Еникальская дума в 1875 г. постановила назвать в его честь улицу, на которой располагалась канцелярия и квартира градоначальника. Ныне это часть улицы Свердлова, на доме № 6 есть мемориальная доска, посвящённая А. П. Спицыну [65, с. 100–102].

⁷⁷ *Сабашинский Адам Осипович* (1800–1870), генерал-лейтенант, герой обороны Севастополя, Керчь-Еникальский комендант (1866–1869). Умер и похоронен в Керчи [18, с. 609]. Надгробие на Митридатском кладбище украшала пространная эпитафия с перечислением боевых заслуг покойного, участника четырёх войн и кампаний [85, с. 280]. Могила не сохранилась.

⁷⁸ *51-й пехотный Литовский полк* был переведён с Кавказа в Крым в 1862 г. Стрелковые роты оказались в Севастополе, а остальной состав полка направлен на строительство крепостных укреплений в Керчи. Этими работами полк занимался на протяжении 10 лет. Один из возведённых ими объектов получил название: «Литовская батарея» [84]. Аналогично, «во внимание к трудам, понесённым полками» люнеты были названы в 1861 г. Минским и Виленским в честь двух других пехотных полков, участвовавших в возведении укреплений в предшествующий период (1859–1863) [78, с. 57; 29].

⁷⁹ Градоначальство, включая и город, было многонациональным. Кроме русских (великороссов, малороссов и белорусов), здесь проживали в значительном количестве греки, крымские татары, евреи, итальянцы, поляки, армяне, представители ряда других национальностей [39, с. 464]. Иностранцев, вопреки мнению автора, в действительности, было относительно немного. В 1864 г. их число, к примеру, составляло 276 чел. [43, с. 4, отд. II].

⁸⁰ Россия, лишённая по условиям Парижского трактата флота военно-морских арсеналов и крепостей на Чёрном море, вынужденно закрывает «на замок» вход в Азовское море, создавая на берегу Керченского пролива мощную крепость. Начало строитель-

ства крепостных укреплений относится к 1857 г., спустя 15 лет были готовы основные оборонительные сооружения, а в целом датой окончания строительных работ считается 1877 г., хотя отдельные объекты на ближних подступах к крепости возводились и в последующем. В конце апреля 1867 г. Керчь-Еникальские укрепления получили статус крепости 1-го класса, сохраняя его многие годы наряду с Петербургом, Кронштадтом, Новогоргиевском, Брест-Литовском, Киевом и Александрополем. Утратив этот разряд к концу XIX века, числилась крепостью 2-го класса, а в 1907 г. принимается решение об её упразднении и преобразовании в «Керченские укрепления». На начальном этапе являлась важнейшим форпостом в системе обороны южных рубежей государства, второй по мощи и значению после Кронштадта приморской крепостью империи. Имела огромную площадь. Только в пределах рва она составляла, по нынешним меркам, более 200 га, и ещё столько же занимала прилегающая эспланада. С городом крепость связывала шоссированная дорога длиной в 5 вёрст. Ныне это в значительной мере сохранившееся фортификационное сооружение является памятником истории, науки и техники федерального значения в составе Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника [29; 4, с. 22–23; 77, с. 91–96; 5, с. 443].

⁸¹ Светлое Христово Воскресение — 31 марта 1868 г.

⁸² *Султан* (тур.) — украшение на головном уборе в виде вертикально укрепленного перьевого пучка.

⁸³ *Hongroise* (фр. — по-венгерски); здесь имеется в виду *Pommade hongroise* (фр.) — венгерская помада или *Cire hongroise* (фр.) — «венгерская мазь» (воск для усов).

⁸⁴ В городе был один собор — *Троицы Живоначальной* (Свято-Троицкий) на Соборной площади, освященный в качестве небольшого храма в 1835 г. К описываемому времени имел уже два придела и был соединён с колокольной широким притвором, что позволяло вмещать во время службы около 2-х тыс. верующих. Здание не сохранилось, площадь застроена. На доме № 27 по ул. им. Н. И. Пирогова имеется мемориальная доска в память об этом разрушенном храме.

⁸⁵ *Черкасов Митрофан Иванович*, выпускник Полтавского кадетского корпуса, окончил Николаевскую инженерную академию (1864) по первому разряду первым в выпуске «с отличным успехом и со внесением его имени на мраморную доску в конференц-зале Академии», по окончании которой военный инженер в чине поручика начал службу в ведомстве Строителя Керчь-Еникальских укреплений. В 1868 г. открыл в Керчи (один из первых в России) «Цементный завод инженера Черкасова» с использованием местного сырья [57] и вскоре подал в отставку с военной службы. В августе 1869 г. «*штабс-капитан Черкасов М. И. уволен от службы (капитан с мундиром)*» [63]. Спустя время был восстановлен в связи с событиями русско-турецкой войны 1877–1878 годов, став её участником. По сведениям «Полицейского листка», в 1882 г. был подполковником, а в одном из документов городской управы значится в 1887 г. как инженер-полковник, владелец двух двухэтажных домов в центре Керчи с видом на крепость, один из которых, очевидно, был спроектирован и построен им самим. С 1879 г. стал совладельцем нефтяного завода [20; 21, л. 30–31]. М. И. Черкасов, кроме того, занимался земледелием, ему принадлежал хутор на азовском побережье, а после отъезда в начале 1890-х гг. из Керчи — образцовая экономия в Киевской губернии. Военный инженер оставил несколько публикаций по технологии изготовления цемента, сельскому хозяйству и статьи общенационально-патриотической тематики.

⁸⁶ *Vis-à-vis* (фр.) — напротив.

⁸⁷ М. И. Черкасов был женат на Серафиме — старшей из дочерей Александра Ивановича Лагорио, родного брата Иосифа Ивановича. Братья Лагорио состояли в родственных отношениях с известным феодосийским художником-маринистом Львом Феликсовичем Лагорио (1827–1905). Он приходился им двоюродным братом.

⁸⁸ Воронов женился на другой дочери А. И. Лагорио — *Лидии*. В 1890 г., вероятно, по совету кузины — Лидии Вороновой, семья которой к этому времени успешно обосновалась в Петербурге, — Ольга Иосифовна Лукницкая переезжает в столицу [47, с. 25–26, 417, 469–470].

⁸⁹ Отец — *Александр Иванович Лагорио* (1816–1881), выпускник Керченского уездного училища, участник обороны Севастополя, в 1864 г. — старший чин в Коммерческом суде Министерства юстиции в Керчи, надворный советник [43, с. 21]. В последующем, в 1867 году, — коллежский советник, с 1872 г. председатель Коммерческого суда, действительный статский советник (1878) [22]. Супругу А. И. Лагорио звали Евдокия Андреевна (1820/21–1878) [23].

⁹⁰ *Всеволод Всеволодович Лукницкий* (1845–1917) — родной брат автора писем. Выпускник Михайловской артиллерийской академии (1869). По окончании академии по первому разряду получил назначение на Охтинский пороховой завод. Позже был переведён в небольшой городок Шостка на Украине, где в 1871 г. в чине штаб-капитана утверждён в должности помощника штаб-офицера по искусственной части. Наконец, в 1874 г. Лукницкий был прикомандирован на такую же должность к Казанскому пороховому заводу. Ещё через одиннадцать лет он получил должность его командира (начальника) и находился на этом посту 32 года (1885–1917). Сыграл огромную роль в развитии отечественного пороходелия. Генерал-лейтенант (1909). Умер от ран, полученных при аварии (взрыве) на предприятии, спасая его и прилегающую территорию города от дальнейших разрушений. Посмертно произведён в чин генерала от артиллерии. В его честь в Казани названа улица и установлен бюст [32; 30; 47, с. 296–304, 382–383; 9].

⁹¹ Вон'тонность — хороший тон.

⁹² *Семейство Томазини-делла-Торе* — старинная керченская семья купцов-предпринимателей, строителей маяков, домовладельцев, выходцев из Одессы; «*историческая фамилия итальянского Ренессанса*», как назвал её Г. А. Шенгели [86, с. 462].

⁹³ Очевидно, имеется в виду семья *Николая Рейтерна*, сын которого — подполковник Александр Николаевич Рейтерн (1849–1912) — служил в это время в 78-м Навагинском пехотном полку, расквартированном в Севастополе [71, с. 247].

⁹⁴ *Барон фон дер Ропп Вильгельм Александрович* (1835–1902), военный инженер, выпускник Николаевской инженерной академии (1856) [31, с. 126], по сведениям 1860 г., штабс-капитан в ведомстве Строителя Керчь-Еникальских укреплений [41, с. 26], капитан в Керченском крепостном инженерном управлении на 1869 г. [31, с. 126, прил.], был женат на Лидии Сильвестровне, дочери горного инженера генерал-майора Сильвестра Васильевича Гурьева [35, с. 405]. Семейству Ропп вплоть до начала 1870-х годов принадлежал красивейший дом в стиле ампира на набережной, известный в последующем как дом Домгера. Здание не сохранилось [81]. После выхода в отставку в чине подполковника проживал на родине в Ковенской губернии, а также в Германии.

⁹⁵ *Д. Петров* появился в городе в 1866 г. как вольнопрактикующий доктор, о чём известил в объявлении, помещённом в местной газете [48].

⁹⁶ *Городской зимний театр* располагался на северо-восточном склоне Митридата, здание не сохранилось, разрушено до основания в ходе боевых действий 1943–1944 гг. Ныне на его месте жилой дом по ул. Крупской (быв. Институтской) [7].

⁹⁷ *Пъшедрялами* (разг.) — пешком.

⁹⁸ Заниматься вопросами коммунального хозяйства города не входило в обязанности градоначальника. Это была прерогатива «градского главы».

⁹⁹ Имеется в виду *Большая Митридатская лестница*, сооружённая в 1833–1840-х годах по проекту городского архитектора А. А. Дигби. Являлась одной из важнейших достопримечательностей Керчи, вызывая в первые десятилетия своего существования восторженные отклики современников. Видевший это архитектурное сооружение в том же году, что и автор, И. Р. фон дер Ховен положительно характеризует состояние «широкой» лестницы,

называет её «прекрасной», отмечает, что она с большими площадками, перилами и украшена наверху «двумя не помню кого изображающими фигурами» [грифонами?] [79, с. 510]. В последующем обветшавшая, утеравшая украшения и часть конструкций, она была в конце советского периода почти полностью отреставрирована, но по прошествии времени вновь потребовались реставрационно-восстановительные работы, проведённые в 2019–2021 гг.

¹⁰⁰ *Степковский Иван Алексеевич* (1788–1832), керченский градоначальник в 1828–1832 гг., согласно завещанию, похоронен на горе Митридат. Построенная вскоре над его могилой часовня стала одним из символов города Керчи. К сожалению, со временем ей перестали уделять должное внимание, и в таком неприглядном виде, отмеченном автором, она продолжала оставаться ещё не одно десятилетие. В октябре 1914 года, благоустраивая гору Митридат по замыслу градоначальника Е. К. Климовича, часовню привели в надлежащее состояние и стали совершать около неё ежегодную панихиду по покойному. Утратив роль культового сооружения, использовалась некоторое время в иных целях. Разрушена в ходе боевых действий 1943–1944 гг., в последующие годы — снесена [65, с. 94–95; 80].

¹⁰¹ Не думается, что это справедливая характеристика, тем более высказанная в оскорбительной манере (пусть и сделанная заочно), что было совершенно не позволительно молодому офицеру по отношению к заслуженному ветерану. В Керчи «труды и заботливость» А. П. Спицына были по достоинству оценены, и городское общество ещё в 1866 г. приняло специальное решение «иметь Его превосходительство в среде своей навсегда первым гражданином». Подобное звание уже существовало в Одессе, которой Керчь стремилась всегда подражать, где в июне 1862 г. купеческое и мещанское общества вынесли решение о предоставлении генерал-губернатору Новороссии и Бессарабии графу Александру Григорьевичу Строганову «на вечные времена» звания первого гражданина города. Аналогичное звание «первого гражданина Ташкента» получил в 1878 г. автор первого проекта крепости Керчь генерал-губернатор Туркестана генерал-инженер Константин Петрович фон Кауфман [65, с. 102; 46; 67].

¹⁰² Идентифицировать Пономаренко не удалось. Вероятно, дело не получило юридического продолжения и не отмечено в периодических изданиях Керчь-Еникальского градоначальства и Одесского военного округа.

¹⁰³ *Коцебу Павел Евстафьевич* (1801–1884), с декабря 1862 г. генерал-губернатор Новороссийского края и Бессарабской губернии, первый командующий Одесским военным округом.

¹⁰⁴ 4 июля 1866 г. канцелярский чиновник 1-го отделения департамента Духовных дел иностранных исповеданий *Николай Протопопов* (39 лет), войдя к вице-директору графу Коскулю, сказал, что считает себя обиженным (за то, что должность столоначальника, которую обещали ему, отдали графу Комаровскому), и ударил вице-директора в лицо (в висок). Судебное рассмотрение дела длилось более года и получило резонанс не только в Санкт-Петербурге, но и по всей России. Приговор, вынесенный присяжными заседателями, был оправдательный за счёт того, что адвокату удалось доказать невменяемость Протопопова, хотя ещё долгое время рассматривались различные кассационные жалобы обвинителя [38, с. 207–294].

¹⁰⁵ Имеется в виду семья *Александра Ивановича Лагорио*, тестя М. И. Черкасова и И. А. Воронова.

¹⁰⁶ Ближайшие родственники автора: сестра *Варвара* и её муж *Леонид* Никольские, сестра *Надежда* и брат *Всеволод*.

¹⁰⁷ Очевидно, речь идёт о младенце четы Никольских. Ласковая его кличка *Мурзик* — синоним слова «котёнок».

¹⁰⁸ Трудно сказать, кого из родственников имеет в виду Н. В. Лукницкий, с большой долей вероятности, этот привет был передан И. Н. Шахову. В большом доме, владельца-

ми которого на тот момент являлись *Инполит Николаевич* и его сын *Инполит Инполитович Шаховы*, проживали семьи Шаховых, Лукницких и Никольских. Участок и дом на улицах 2-й (дом 16) и 3-й роты (дом 13) Измайловского полка, построенный в 1858 г. (арх. И. И. Климов) [3, с. 162]. По своему периметру, с дворовой территорией в центре, выходил фасадами на две параллельные улицы (ныне — 2-я и 3-я Красноармейские ул.). Изначально недвижимость принадлежала служащему Правительственного Сената, тайному советнику *Шахову Николаю Андреевичу* (1782?–1845), дедушке М. И. Лукницкой (урожд. Шаховой, супруге В. Н. Лукницкого) [83, с. 353]. После смерти Н. А. Шахова наследство поделили между собой его сын И. Н. Шахов (?–1893) и внук И. И. Шахов (?–1886) [17, с. 530, 86]. Однако младший Шахов умер раньше, и с 1886 г., согласно «Табели домов г. Санкт-Петербурга на 1893 год», И. Н. Шахов являлся единственным хозяином всего дома [1, стб. 52]. К 1896 г. домовладение было продано [12, III, с. 123], а в 1900 г. дом перестроен и стал принадлежать Н. Ф. Лабзину [12, IV, стб. 311–312; 3, с. 232].

¹⁰⁹ Возможно, имеется в виду *Александр Николаевич Шахов*, в 1867 году коллежский секретарь на государственной службе [17, с. 530].

¹¹⁰ Известная песня Французской революции: *Ça ira* — «Дело пойдёт» (припев), *Qui vivra, verra* — «Кто будет жить — увидит», (ср. «Поживём — увидим»).

¹¹¹ Продолжение песни: *Nous tous le verrons* — «И мы всё это ещё увидим», в смысле: «всё это произойдёт при нашей жизни».

¹¹² *Елизавета Павловна, Надежда Павловна* — вероятно, сёстры М. П. Шаховой; *Екатерина Инполитовна* — дочь Инполита Николаевича Шахова; *Путя, София, Ольга, Елизавета Лукиничны* — сёстры Леонида Лукича Никольского. Остальные — неустановленные лица.

¹¹³ Пометы на всех письмах сделаны Всеволодом Аристарховичем Лукницким.

¹¹⁴ В. А. Лукницкий в 1857 г. служил экзекутором комиссариата Департамента Военного министерства (т. е. чиновником, ведавшим хозяйственными делами учреждения и наблюдавшим за порядком в канцелярии) [71, с. 175].

¹¹⁵ Здание этой кухни сохранилось и находится в Минском люнете.

¹¹⁶ *Пороховой погреб* был разрушен уже в конце XX века при утилизации боеприпасов.

¹¹⁷ *Фон Францен Георгий*, военный инженер, выпускник Николаевской инженерной академии (1863), поручик, на 1869 г. — в распоряжении Строителя Керчь-Еникальских укреплений в г. Николаеве [31, с. 144, прил.]. «*Военный инженер штабс-капитан фон Францен уволен от службы с 17 мая 1869 года с переименованием в титулярные советники для определения к статским делам*» [61, с. 1].

¹¹⁸ Это частично разрушенное сооружение находится в Виленском люнете.

¹¹⁹ Для ведения огня орудие устанавливалось на деревянной так называемой настильной платформе, состоявшей из брусьев (лежней), укладываемых вдоль выбранного направления стрельбы, с прикреплёнными к ним поперёк досками.

¹²⁰ *Дресва* — рыхлая осадочная горная порода, более чем наполовину состоящая из угловатых, неокатанных обломков размером 1–10 мм. Одно из толкований по В. И. Далю — крупный песок [24]. Очевидно, в данном случае автор писем упоминает о строительном материале, ныне известном в Крыму под названием «тырса». Это отходы добычи камня-ракушечника при его распиловке или дроблении, нечто среднее между песком и мелким щебнем (отсевом), его фракции, по современной классификации, имеют размер 0,5–20 мм.

¹²¹ Премьера драмы А. А. Потехина (1828–1908) «Виноватая» состоялась в Александринском театре 13 октября 1867 г. С датой Н. В. Лукницкий ошибается: спектакль давали 2, 6, 14, 15 и 20 ноября 1867 г. [55, с. 80, 85].

¹²² Весной 1868 г. в Керчи удалось собрать собственную театральную труппу, которая «в четверг 30 мая показала премьеру драмы в пяти действиях “Виноватая” и водевиль в одном действии “Папироска”». А уже к 4 июня была пред-

ставлена пьеса «Дока на доку», где в главной роли выступил «сам автор пьесы — А. А. Потехин», — сообщила керченская газета [50].

¹²³ См. сноску № 90.

¹²⁴ *Зверев Модест Иванович* (?–12.12.1893), выпускник Императорского Александровского лицея (1857), титулярный советник, прокурор Керчь-Еникальского градоначальства (до 4 мая 1869 г.). Позднее служил в Саратове и Казани [50; 51; 45, с. 59].

¹²⁵ Имеется в виду Ипполит Николаевич Шахов, см. сноску № 108.

¹²⁶ Был, очевидно, откомандирован в г. Николаев.

¹²⁷ *Ильин Николай Иванович*, офицер в Керченском инженерном управлении; на 1880 г. подполковник, управляющий Московско-Рязанской железной дорогой [72, с. 71].

¹²⁸ *Катеринич Вадим Петрович*, военный инженер, выпускник Николаевской инженерной академии (1868), с занесением имени на мраморную доску в конференц-зале Академии. Штабс-капитан по Инженерному корпусу и при Московско-Ярославской железной дороге (1869) [31, с. 166, 180, прил.]. Произведён в подполковники 15.05.1885 г. [73, с. 522].

¹²⁹ Сооружение это сохраняется и поныне во рву форта Тотлебен.

¹³⁰ На 1867 год *Л. Л. Никольский* числится служащим в Окружном суде [17, с. 343]. По какой-то причине в 1868 г. Л. Л. Никольский «теряет место» и находит менее оплачиваемое, но всё же на государственной службе, которая предполагала фирменный мундир с вышивкой золотом [87, с. 273–274]. Поэтому Лукницкий в конце письма № 7 иронизирует по поводу «мундира с вышитым воротничком».

¹³¹ *Контрэскарпные галереи* представляют собой длинные каменные коридоры внутри ближайшего к противнику откоса рва с бойницами с одной стороны, и контрминными галереями для обнаружения и уничтожения неприятельских подкопов с другой.

¹³² *Мазурничество* (в просторечии, презренно) — жульничество, мошенничество, воровство.

¹³³ *Pur sang* (фр.) — чистокровный, здесь — полный дурак.

¹³⁴ *Завод М. И. Черкасова*, открытый в 1868 г. и долгое время являвшийся единственным на всём юге России, довольно быстро приобрёл известность, и его достижения были отмечены уже в 1870 г. медалью на Всероссийской мануфактурной выставке в Санкт-Петербурге. За первые 17 лет своего существования выработал более 7 млн пудов цемента, около половины этого объёма было использовано при строительстве крепости Керчь и Очаковских укреплений. Остальной цемент употреблялся при сооружении Курско-Харьково-Азовской, Поти-Тифлиской, Ростово-Владикавказской, Донецко-Каменноугольной, Лозово-Севастопольской железных дорог, а также при строительстве мостов, общественных и частных зданий, портовых сооружений в Новороссии и Крыму, на Кубани и Кавказе [57, с. 1–2]. Память об этом давно исчезнувшем предприятии сохраняется в названии основанной при заводе Цементной слободки, у стен которой велось строительство Крымского моста и подъездных путей к нему [66, с. 313].

¹³⁵ *Курско-Харьково-Азовская железная дорога* — магистральная линия, протянувшаяся от ст. Курск до Ростова-на-Дону (763 версты). Концессия на постройку была дана купцу С. С. Полякову, который и после образования акционерного общества оставался главным акционером и фактическим хозяином железной дороги. В 1891 г. она была выкуплена государственной казной [90, с. 101–103]. Официальное открытие дороги состоялось 23.12.1869 г., но до станций на линии Курск–Харьков поезда ходили уже с июля 1869 г.

¹³⁶ В Керчи в этот период уже давно не существовало проблемы сфотографироваться у профессионального мастера. Три первых фотографических ателье появились в городе в 1863 г., год спустя их количество выросло до 5 [43, отд. II, с. 27, 29]. К сожалению, имена этих первых фотографов остаются практически неизвестными. Пока можно на-

звать только одно имя: «E. Kiriakoff», сохранившееся на паспорту фотографий 1860-х гг. [60, с. 247, 249]. Ещё об одном фотографе-греке, в фамилии которого имелся компонент «пуло», упоминает фон дер Ховен, увидевший его заведение в 1868 г. на Воронцовской улице [79, с. 591].

¹³⁷ *Au naturel* (фр.) — в чём мать родила.

¹³⁸ Праздник Пасхи в 1869 г. отмечался 20 апреля.

¹³⁹ Имеется в виду Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг.

¹⁴⁰ Сражение на *Альме* — 08.09.1854 г.; сражение на *р. Чёрной* — 16.08.1855 г.; *Инкерманское сражение* — 05.11.1854 г.

¹⁴¹ *Мишель Брис Бизо* (1795–1855), генерал-майор, военный инженер; в 1854–1855 гг. начальник французских инженерных частей в Крыму.

¹⁴² *Русское кладбище* в Севастополе было известно сначала как «Петропавловское». По предложению Тотлебена его стали называть «Братское». В каждой из 472 братских могил этого воинского некрополя захоронены сотни безымянных «нижних чинов», а также имеется 130 индивидуальных захоронений офицеров и генералов. Здесь покоятся и многие участники обороны Севастополя, генералы, адмиралы и офицеры, умершие значительно позже. В их числе адмирал А. П. Спицын и генерал Э. И. Тотлебен.

Неизвестно, о чём ещё рассказывал автор при виде этого кладбища на несохранившихся страницах письма. Очевидно, о храме-памятнике во имя Святителя Николая Чудотворца (арх. А. А. Авдеев), строительство которого завершилось в 1870 году.

¹⁴³ Надгробная часовня на могиле командующего войсками в Крыму в 1855–1856 гг. *Михаила Дмитриевича Горчакова* (1793–1861) сооружена в 1863 г. по проекту архитектора А. А. Авдеева, фресковая роспись выполнена художником М. Н. Васильевым [10, с. 96–97].

¹⁴⁴ Один или несколько листов письма отсутствуют. За границу (Германия, Австрия и Франция) на два месяца был отправлен, по сведениям «Русского инвалида», военный инженер-капитан фон дер Ропп [63, с. 1].

¹⁴⁵ *Игнациус Николай Михайлович*, военный инженер, выпускник Николаевской инженерной академии (1842), в описываемый период — подполковник, служил в Керченском крепостном инженерном управлении [31, с. 100], в 1870 г. назначен начальником Виленской инженерной дистанции. Полковник — брат военного инженера генерал-майора А. М. Игнациуса, окончившего офицерские классы Главного инженерного училища (1839). Обладая писательским и переводческим даром, Н. М. Игнациус много печатался в литературных и инженерном журналах, писал стихи, в том числе им опубликовано стихотворение «На пятидесятилетний юбилей Николаевской инженерной академии и училища» (1869).

¹⁴⁶ *Фон Рамбах Владимир Дмитриевич* (1837–1900) — военный инженер, выпускник Николаевской инженерной академии (1859), по сведениям 1860 г., поручик в ведомстве Строителя Керчь-Еникальских укреплений [41, с. 261], в описываемый период — капитан. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В чине генерал-майора вновь служил в Керченской крепости, будучи в 1890–1900 гг. начальником Крепостного инженерного управления. Уволен в отставку с производством в генерал-лейтенанты [16, с. 375].

¹⁴⁷ Речь идёт о так называемой каменной наброске, строившейся со стороны таманского берега и сужавшей для более надёжного контроля пролив между косой Тузла и мысом Ак-Бурун. Имела ширину до 3 сажень и была приподнята над уровнем воды более аршина. Камень к месту работы доставлялся от пристани Воронова, куда он поступал из ближайшей каменоломни. В 1869 г. подводное заграждение было удлинено на 82 сажени. Кроме того, уже существующая наброска дополнительно подсыпалась и профилировалась [88, с. 652–653].

¹⁴⁸ Батарея была устроена на берегу у Павловского мыса, располагаясь вдоль фарватера на «каменной наброске» с дополнительным заградительным молотом. Проект по-

следнего предложил в 1863 г. капитан Александр-Август Филиппович Депп (1835–1889), будущий генерал-лейтенант [59, л. 221; 15, с. 444]. Батарея эта известна в последующем как «17-орудийная морская береговая батарея № 1».

¹⁴⁹ Речь идёт о муже Варвары, потерявшем, как уже упоминалось, более оплачиваемое место.

¹⁵⁰ *Манакин Михаил Викулович (?–1873)*, супруг Александры Лукиничны (урожд. Никольской) (?–1870), сестры Л. Л. Никольского.

¹⁵¹ *Ипполит Ипполитович Шахов*, сын И. Н. Шахова, см. ссылку № 108.

¹⁵² Неустановленное лицо.

¹⁵³ Фотография не сохранилась.

¹⁵⁴ И. Н. Шахов владел земельным участком и домом по адресу: 2-я рота Измайловского полка, дом 16 (ныне ул. 2-я Красноармейская в Адмиралтейском районе Санкт-Петербурга). См. ссылку № 108.

¹⁵⁵ *Тотлебен Эдуард (Франц) Иванович* (1818–1884), инженер-генерал (1869), известнейший военный инженер XIX века, с 1859 г. — директор Инженерного департамента, с 1863 г. — товарищ генерал-инспектора по инженерной части. Впервые посетил строящуюся Керченскую крепость в 1859 г., видел её в 1861 и 1863 годы, сопровождая императора Александра II. Внёс существенные коррективы в планы строительства крепости и её артиллерийского вооружения. Считая эту приморскую цитадель одной из важнейших в системе обороны государства, делал всё возможное для усиления её огневой мощи. Центральное укрепление крепости — форт — в 1861 г. названо было его именем по воле императора [75].

¹⁵⁶ О результатах этой проверки генерал-инспектор по инженерной части великий князь Николай Николаевич писал: *«Товарищ мой генерал-адъютант Тотлебен, осмотрев Керчь, Севастополь, Николаев, Бендеры, Киев и Динабург, дошёл до моего сведения: 1) В Керчи все громадные крепостные сооружения производятся весьма прочно и отчётливо. При военной опытности строителя генерал-майора Седергольма, проекты составляются под его руководством, вполне правильно и целесообразно. По хозяйственной части везде заметно стремление инженеров к достижению цели наивыгоднейшими для казны способами, сообразно с местными обстоятельствами малонаселённого края, в котором промышленность ещё весьма мало развита, и потому часто приходится преодолевать важные затруднения. Письменные дела и отчётность сданы бывшим начальником Керченского крепостного инженерного управления своему приемнику в совершенном порядке. <...> Объявляя об этом по Инженерному корпусу, мне приятно выразить мою благодарность строителю Керченской крепости инженер-генерал-майору Седергольму; бывшему начальнику Керченского управления, ныне исполняющего должность начальника инженеров Одесского военного округа полковнику Подымову — обом в особенности; <...> и всем г.г. инженерным офицерам в Керчи <...>»* [25, отд. I, с. СXXX–СXXXI].

По итогам инспекции военные инженеры были представлены к наградам: капитан Клиндер, штабс-капитаны Воронов и Черкасов — ордену Св. Анны III степени; штабс-капитан Лукницкий и местный инженер поручик Петров — ордену Св. Станислава III степени [26, с. XLIX].

Перечень произведённых в крепости работ в 1869 г. выглядит внушительным: окончены земляная береговая батарея на 72 орудия и выдвинутая вперёд на 16 орудий с устройством при них пороховых погребов и казематов; подводное заграждение ещё более сузило пролив (до 430 саж.); в форте Тотлебен, Виленском и Минском люнетах построены казематы под валом и казематированные траверсы с подвалами; устроена контрминная система с двумя расходными пороховыми погребами, в общей сложности до 730 сажень; для безопасного сообщения форта и береговых батарей пробит в мягком камне и местами прокопан тоннель с боковыми выходами и шахтами для

вентиляции и освещения. В Кронштадте, Керчи, Брест-Литовске и Варшавской цитадели были произведены в тот год главные «оборонительные работы», на что было израсходовано 3744403 руб. [75, с. 652–653].

¹⁵⁷ «Русский инвалид» — военная газета, основанная П. П. Пезаровиусом в 1813 г. с целью оказания помощи инвалидам Отечественной войны, вдовам и сиротам; с 1862 по 1917 гг. — официальная газета Военного министерства [69, с. 115–126].

¹⁵⁸ После Одессы А. Д. Подымов служил с 1874 г. помощником начальника инженеров Киевского военного округа, а с 1882 г. на протяжении 13 лет — начальником инженеров Кавказского округа, с 1895 г. — в Главном инженерном управлении. В 1895–1905 гг. состоял членом Военного совета [16, с. 320].

¹⁵⁹ *Квист Вадим Ильич* (?–1869), военный инженер, окончил офицерские классы Главного инженерного училища (1845), полковник. До Одессы — в чине подполковника служил начальником Санкт-Петербургской инженерной команды [6].

¹⁶⁰ *Малашев Пётр Анореевич*, военный инженер, выпускник Николаевской инженерной академии (1857), полковник (1869), начальник Керченского крепостного инженерного управления [31, с. 128, прил.]. В 1872 году, получив новое назначение, поместил объявление о распродаже вещей [53, с. 4]. Его сменил на прежнем посту К. Ф. Геммельман. См. сноску № 164.

¹⁶¹ Пройдёт несколько лет, и в августе 1872 г. генерал-майор Седергольм будет сопровождать Александра II во время осмотра монархом крепости Керчь. Император останется весьма удовлетворён увиденным и по окончании визита поблагодарит строителя крепости за службу [65, с. 73].

¹⁶² Издание не обнаружено; можно предположить, что по каким-то причинам эта работа не была опубликована.

¹⁶³ *Геммельман Карл Фёдорович* (Егорович) (1832–1898), военный инженер, выпускник Николаевской инженерной академии (1855), генерал-лейтенант (1896), на 1860 г. — поручик в ведомстве Строителя Керчь-Еникальских укреплений, на 1869 год — капитан в Керченском крепостном инженерном управлении, с 1870 г. — начальник Симферопольской (по факту — Севастопольской) инженерной команды, спустя два года возглавил Керченское крепостное инженерное управление, а затем Симферопольскую (она же — Севастопольская) инженерную дистанцию, в 1890 г. преобразованную в Крепостное инженерное управление. В 1888–1889 годы — начальник инженеров Приамурского военного округа. Участник Крымской (орден Св. Анны III степени с мечами и Серебряная медаль за защиту г. Севастополя) и Русско-турецкой (1877–1878) войн [41, с. 26; 15, с. 335].

¹⁶⁴ *Инженерные дистанции* — это местные военные инженерные управления, находящиеся в подчинении инженерных управлений военных округов. Каждой дистанции принадлежал определённый район со всеми находящимися внутри его воинскими зданиями, сооружениями, инженерными заведениями и проч., равно и всеми производящимися работами [89, с. 191].

¹⁶⁵ *Депп Николай Александрович* (1837–1904), военный инженер, выпускник Николаевской инженерной академии (1858), генерал-лейтенант (1896), в чине штабс-капитана в 1864 г. начал службу в ведомстве Строителя Керчь-Еникальских укреплений, в чине капитана служил в Керченской крепости в инженерном управлении (1866–1869). Участник Русско-турецкой войны (1877–1878), был в эти годы начальником приморской обороны Одессы, заведующим железнодорожным отделом Управления тыла Действующей армии. В разные годы возглавлял инженерные управления в крепостях Санкт-Петербурга, в Киевском и Одесском военных округах. Один из основателей Одесского отделения Русского технического общества. Находясь на службе в крепости Керчь, занимался изучением технологии производства кирпича в окрестностях Санкт-Петербурга. Кроме того, его перу принадлежат публикации по ихтиологии [15, с. 444].

¹⁶⁶ *Клиндер Пётр Александрович* (1835–1888), военный инженер, выпускник Главного инженерного училища (1854), в 1856 г. окончил практический класс Николаевской инженерной академии, генерал-майор (1887), в чине капитана служил в Керченской крепости в инженерном управлении, после Варшавы переведён в Восточно-Сибирский военный округ (1870). Позже служил в Главном инженерном управлении. Издатель и ответственный редактор первого русского аэронавтического журнала «Воздухоплаватель» (1880–1883) в Санкт-Петербурге [14, с. 919–920].

¹⁶⁷ На слове «Черкасов» лист заканчивается, следующие листы — отсутствуют. После стр. 54 была приплетена телеграмма. Что касается Черкасова, очевидно, он упомянут в связи с тем, что в августе того же года покинул службу, о чём Николай Всеволодович не мог не сообщить отцу.

¹⁶⁸ Уездный город *Суджа* в середине XIX в. входил в состав Курской губернии и славился хорошо развитым гончарным промыслом. Ныне — городское поселение в Курской области.

¹⁶⁹ Речь идёт о *казённом Фанагорийском кирпичном заводе* на восточном берегу Керченского пролива рядом с бывшей Фанагорийской крепостью, на окраине современной станицы Тамань Краснодарского края. Производимый здесь кирпич имел хорошо выработанное клеймо «ФКЗ», использовался при строительстве Керченской крепости [76].

¹⁷⁰ *Проходной лист* — документ, выдававшийся полицией для следования в указанном направлении.

¹⁷¹ *Chambre garnie* (фр.) — меблированные комнаты.

¹⁷² *Лозовая* — железнодорожная станция, открытая в 1869 г. От неё можно было продолжить путь на Харьков и далее на Курск и Москву. Добраться в Крым по новой Лозово-Севастопольской железной дороге станет возможным только в 1874 г., когда магистраль достигнет Симферополя, а год спустя и Севастополя.

¹⁷³ *Киево-Курская железная дорога* была построена в 1866–1868 гг. На конечном участке Бровары–Киев движение открылось в 1870 г. после сооружения моста через Днепр. Ст. Коренево — ныне посёлок городского типа, административный центр Корнеевского района Курской области.

¹⁷⁴ При фотосъёмке писем были пропущены страницы 62 и 63. Текст воспроизведён по «чёрной тетради» А. Н. Лукницкого и заключён в квадратные скобки.

¹⁷⁵ *Сильверсван* — известный дворянский род выходцев из княжества Финляндского. В России с XVI века владели землями в Курской и Херсонской губерниях [68].

¹⁷⁶ Звёздочкой (*) отмечена следующая ссылка, сделанная автором письма внизу страницы: «*Онъ вообще, что-то имѣетъ противъ телеграфнаго сообщения извѣстій — изъ консерваторовъ, значитъ*».

¹⁷⁷ Праздник Пасхи в 1870 г. отмечался 12 апреля.

¹⁷⁸ Имеются в виду, кроме генерала *Седергольма*, находившиеся в столице офицеры *фон Рамбах* и *Игнациус*. О ком четвёртом «керченском» идёт речь — непонятно.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Адресная книга Санкт-Петербурга на 1893 год / Под ред. П. О. Яблонского. СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня, 1893.
2. Архив семьи Лукницких (Санкт-Петербург).
3. Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века / Под ред. Б. М. Кирикова. Санкт-Петербург: Пилигрим, 1996. 397 с.
4. Белик Ю. Л. Керченская старина. Вып. II: Крепости Керченского полуострова (XVII–XIX вв.). Симферополь: Бизнес-Информ, 2015. 120 с.
5. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке: Военно-экономический потенциал России. Москва: Наука, 1973. 616 с.

6. Брюховецкий Р. И. Квист Вадим Ильич [Электронный ресурс]. 15.11.2011. URL: https://viupetra.23dn.ru/publ/kvist_v_i/13-1-0-1285 (дата обращения: 25.05.2020).
7. Быковская Н. В., Санжаровец В. Ф. На театральных подмостках Керчи // Керченская старина: Сб. статей. Вып. I. Симферополь: Бизнес-Информ, 2015. (344 с.) С. 239–247.
8. Быковская Н. В., Санжаровец В. Ф. Табачные короли империи // Керченская старина: Сб. статей. Вып. I. Симферополь: Бизнес-Информ, 2015. (344 с.) С. 324–332.
9. Валеев Э. Н. Служба и просвещение: начальник Казанского порохового завода генерал В. В. Лукницкий // Россия и современный мир. 2010. № 3(69). С. 232–235 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_15556726_33113534.pdf (дата обращения: 25.05.2020).
10. Венিকেев Е. В. Севастополь и его окрестности. Москва: Искусство, 1986. 176 с.
11. Весь Петербург на 1896 год: Адресная и справочная книга С.-Петербурга. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1896.
12. Весь Петербург на 1901 год: Адресная и справочная книга С.-Петербурга. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1901.
13. Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник (ВКИКМЗ), Научно-вспомогательный фонд (НВФ), № 1685/1–121.
14. Воздухоплавание и авиация в России до 1907 г.: Сборник документов и материалов / Сост. Н. И. Шауров, М. А. Сидорова; под ред. В. А. Попова. Москва: Оборонгиз, 1956. 952 с.
15. Волков С. В. Генералитет Российской империи: Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра до Николая II. Т. I: А–К. Москва: Центрполиграф, 2009. 756 с.
16. Волков С. В. Генералитет Российской империи: Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра до Николая II. Т. II: Л–Я. Москва: Центрполиграф, 2009. 831 с.
17. Всеобщая адресная книга Санкт-Петербурга, с Васильевским островом, Петербургской и Выборгской сторонами и Охтой: В 5 отделениях. СПб.: Издание Гоппе и Корнфельд, 1867–1868. 987 с. разд. паг.
18. Гончаров М. Полковник Сабошинский // Русская старина. 1890. Т. 66, апрель-май-июнь. С. 609.
19. Государственный архив Республики Крым (далее — ГАРК). Ф. 289. Оп. 3. Д. 3.
20. ГАРК. Ф. 455. Оп. 1. Д. 1902.
21. ГАРК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 703.
22. ГАРК. Ф. 162. Оп. 2. Д. 904.
23. ГАРК. Ф. 162. Оп. 2. Д. 856.
24. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. [Электронный ресурс]. URL: <http://v-dal.ru> (дата обращения: 25.05.2020).
25. Инженерный журнал. 1869. № 12. Отд. I.
26. Инженерный журнал. 1870. № 3, официальный раздел.
27. Инженерный журнал. 1870. № 6, официальный раздел.
28. Карта Российской империи с означением военных округов, сухопутных, водяных и телеграфных сообщений / Сост. ген. штаба подполк. А. П. Шепелевым. Литогр. Емчениновым. СПб.: Изд-во «Военный сборник», лит. А. Степанова, 1864.

29. Керченская крепость [Электронный ресурс]. URL: http://ava.telenet.dn.ua/history/kerch_fortress/index.html (дата обращения 25.05.2020).
30. Косточко А. В., Храмова Е. В. Роль В. В. Лукницкого в становлении Казанского пороходелия // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16. № 24. С. 256–260 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1234484> (дата обращения: 25.05.2017).
31. Максимовский М. С. Исторический очерк развития Главного инженерного училища 1819–1869; [Приложения]. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1869. 403 с. с разд. паг.
32. Милицын Б. Всеволод Лукницкий — человек-легенда Казани // Звезда Поволжья. 2017. 17 июня [Электронный ресурс]. URL: <http://zvezdapovolzhya.ru/obshchestvo/vsevolod-luknitskiy-chelovek-legenda-kazani-20-07-2012.html> (дата обращения: 25.05.2020).
33. Научный архив ВКИКМЗ. Оп. 2. Д. 592. НВФ. Акт № 128 от 25.09.1979 г.
34. Небожаева Н. В. Керченская набережная сто лет тому назад // Керченская старина: Сб. статей. Вып. I. Симферополь: Бизнес-Информ, 2015. (344 с.) С. 248–252.
35. Небожаева Н. В., Санжаровец В. Ф. Горный инженер С. В. Гурьев: жизнь во благо // Научный сборник Восточно-Крымского музея-заповедника. Вып. V. Симферополь: Бизнес-Информ, 2016. С. 378–413.
36. Новороссийский календарь на 1868 (високосный) год. Одесса: Одесское городское общественное управление, 1867. 185 с. +XXX.
37. Новороссийский календарь на 1870 год. Одесса: Одесское городское общественное управление, 1869.
38. Новые русские уголовные процессы. Т. 1 / Изд. А. Любавский. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1868. 296 с.
39. Нынешнее состояние Керчь-Еникальского градоначальства // Новороссийский календарь на 1858 год. Одесса: Одесское городское общественное управление, 1857. С. 464–469.
40. Одесский военный округ [Приказы по войскам Одесского военного округа за 1869 год]. Одесса: [Б. и.], 1869.
41. Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства на 1860 год. Керчь: Типография И. Холева, 1860. 113 с.
42. Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства на 1863 год. Керчь: Типография И. Холева, 1863. 290 с.
43. Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства на 1865 г. Керчь: Типография И. Холева, 1864. Разд. паг.
44. Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства. Керчь: Типо-литография Х. Н. Лаго и К^о, 1906. 117 с.
45. Памятная книжка лицеистов: 1811 — 19 октября — 1911. СПб.: Собрание курсовых представителей Имп. Александровского лицея, 1911. 247 с. +62 с.
46. Первый Почётный гражданин Одессы [Электронный ресурс]. URL: <https://ok.ru/odessa.grad/topic/68429325541400> (дата обращения: 31.05.2019).
47. Перекрёстки судеб: Воспоминания Лукницких / В. А. Лукницкий, Т. Е. Сохор. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2014. 496 с.
48. Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1866. № 22, 29 мая.
49. Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1868. № 21, 2 июня.
50. Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1868. № 29, 28 июля.

51. Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1868. № 42, 20 октября.
52. Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1868. № 64, 3 ноября.
53. Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1872. № 18, 14 мая.
54. Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1877. № 9.
55. А. А. Потехин и Кинешма / Сост. А. А. Потехин, Е. А. Потехина, П. М. Тамаев. Иваново: Референт, 2009. 560 с.
56. Почтовая карта Европейской России, изданная Почтовым департаментом. СПб., 1871.
57. Приёмы и наставления при употреблении керченского цемента завода инженера М. И. Черкасова в Керчи. Одесса: тип. А. Шульце, 1885. 9 с.
58. Романюк С. К. Сердце Москвы: от Кремля до Белого города. Москва: Центрполиграф, 2013. 908 с.
59. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 802. Оп. 8. Д. 2166 (сведения В. М. Стародубцева).
60. Рубинина З.М. Семейный фотографический архив Левицких (вторая половина XIX – вторая половина XX в.) из собрания Государственного исторического музея как объект источниковедческого исследования: Диссертация кандидата исторических наук / Рос. гос. гуманитарный университет. Москва, 2016. 271 с.
61. Русский инвалид. 1869. № 59.
62. Русский инвалид. 1869. № 65.
63. Русский инвалид. 1869. № 89.
64. Санжаровец В. Ф. Вдоль Босфора Киммерийского. Из истории происхождения топонимов крымского берега и акватории Керченского пролива // Топонимика Крыма 2011. Симферополь: Универсум, 2011. С. 445–500.
65. Санжаровец В. Ф. Керчь-Еникале и её градоначальники // Керченская старина. Вып. I. Симферополь: Бизнес-Информ, 2015. (344 с.) С. 86–113.
66. Санжаровец В. Ф., Стародубцев В. М. Топонимы крепости Керчь и её окрестностей // Научный сборник Керченского заповедника. Вып. I. Керчь: ООО «Керченская городская типография», 2006. С. 297–321.
67. Сапожников Ю. Первый гражданин города Ташкента [Электронный ресурс]. URL: <https://diletant.media/articles/34490731/> (дата обращения: 31.05.2019).
68. Сильверсван [Электронный ресурс]. URL: <http://baza.vgdru.com/1/29240/> (дата обращения: 31.05.2019).
69. Соколов А. Р. Издатель газеты «Русский инвалид» П. П. Пезаровиус // Английская набережная, 4: Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. Санкт-Петербург: Лики России, 2001. (388 с.) С. 115–126.
70. Список подполковникам по старшинству. 1857 г. СПб.: Военная типография, 1857. 460 с.
71. Список подполковникам по старшинству: Исправлено по 1 апреля 1867 г. СПб.: Военная типография, 1867. 544 с.
72. Список подполковникам по старшинству: Исправлено на 1 августа 1880 г. СПб.: Военная типография, 1880. 733 с.
73. Список подполковникам по старшинству: Исправлено на 1 мая 1885 г. СПб.: Военная типография, 1885. 1133 с.

74. Список полковникам, 1867. Список полковникам по старшинству: Исправлено по 1 апреля 1867 года. СПб.: Военная типография, 1867. 665 с.
75. Стародубцев В. М. Артиллерийское вооружение крепости Керчь // Научный сборник Керченского заповедника. Вып. III. Симферополь: Бизнес-Информ, 2008. С. 350–386.
76. Стародубцев В. М. Камни, из которых построили крепость «Керчь». 11.08.2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kerch.com.ru/articleview.aspx?id=3973> (дата обращения: 20.03.2019).
77. Стародубцев В. М., Супруненко Ю. П. Второй Кронштадт // Природа. 2007. № 9. С. 91–96 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ras.ru/publishing/nature.aspx> (дата обращения: 25.05.2017).
78. Хлопов М. Д. 52-й пехотный Виленский его императорского Высочества великого князя Кирилла Владимировича полк: Боевая жизнь и деятельность Полка за сто лет. 1811–1911. Феодосия: тип. Натковича и Виниковича, 1911. 61 с.
79. Ховен И. Р. фон дер. Несколько дней в Керчи. Из путевых записок (1868 года) // Научный сборник Керченского заповедника. Вып. IV. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. (640 с. цв. вкл.) С. 586–604.
80. Ходаковский К. Н., Ходаковский В. Н. 100-летие возобновления часовни И. А. Стемпковского: [Записки керчанина]. 29.10.2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://khodakovsky.livejournal.com/48037.html> (дата обращения: 25.05.2019).
81. Ходаковский К. Н., Ходаковский В. Н. По вопросу застройки места дома Домгера. 24.10.2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://khodakovsky.livejournal.com/52745.html> (дата обращения: 25.05.2019).
82. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 124. Д. 1064.
83. Цылов Н. И. Описания улиц С.-Петербурга и фамилий домовладельцев к 1863 году / Сост. Н. Цылов. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1862.
84. Ченнык С. В. 51-й Литовский полк на службе пяти императорам [Электронный ресурс]. URL: <http://mil.sevhome.ru/s-chennyk-simferopol-51-j-pehotnyj-litovskij-polok-na-sluzhbe-pjati-imperatoram/> (дата обращения: 25.05.2019).
85. Чернопятков В. И. Некрополь Крымского полуострова. Москва, 1910.
86. Шенгели Г. А. Босфор Киммерийский / Публ. А. В. Маринин, В. Ф. Санжаровец // Научный сборник Восточно-Крымского музея-заповедника. Вып. V. Симферополь: Бизнес-Информ, 2016. С. 450–463.
87. Шепелев Л. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2001. 479 с.
88. Шильдер Н. К. Граф Эдуард Иванович Тотлебен, его жизнь и деятельность: Биографический очерк: Т. 1. СПб.: Тип. «Рус. скоропеч.» (Э. К. Корево), 1885. [2], VIII, 542, 92 с.; Т. 2. СПб.: Тип. и лит. В. А. Тиханова, 1886. [2], X, 543–992 с.
89. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 т. С.-Петербург: Брокгауз-Ефрон, 1880–1907. Т. 25. С.-Петербург, 1894. (480 с.)
90. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 т. С.-Петербург: Брокгауз-Ефрон, 1880–1907. Т. 17. С.-Петербург, 1896. С. 101–103.

Примечание

Авторы публикации весьма признательны Наталье Николаевне Непомнящей, проделавшей работу по окончательной подготовке текста писем к печати.

Рис. 1. Здание Николаевской инженерной академии (т. н. Инженерный замок) в Санкт-Петербурге

Рис. 3. Н. В. Лукницкий, подполковник, начальник Закавказской Инженерной дистанции. 1876 г.

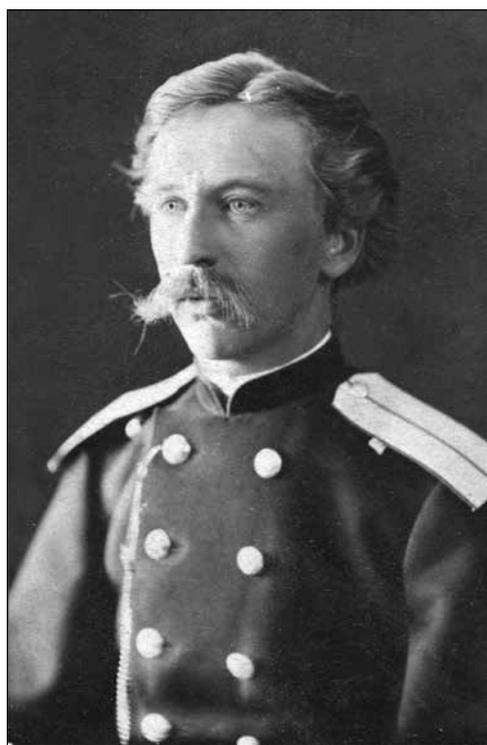

Рис. 2. Н. В. Лукницкий, капитан Керченского крепостного Инженерного управления. 1871 г.

Рис. 4. О. И. Лукницкая (урожд. Лагорио) с сыном Николаем. 1902 г.

Рис. 5. П. Н. Лукницкий,
сын Н. Н. Лукницкого

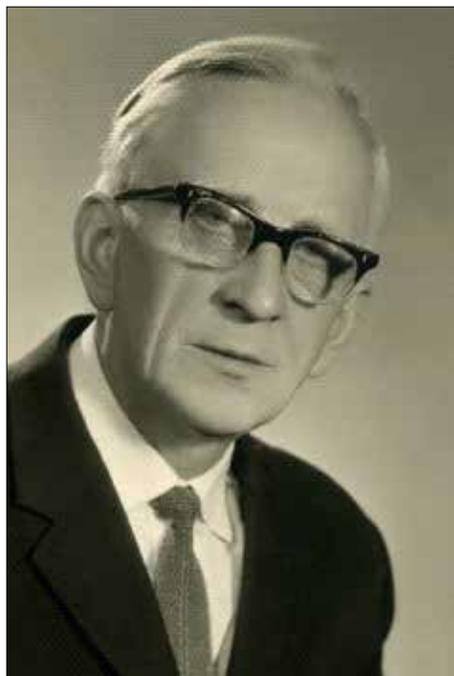

Рис. 6. А. Н. Лукницкий,
сын Н. Н. Лукницкого

Рис. 7. В. В. Лукницкий, генерал-майор полевой пешей артиллерии
и начальник Казанских пороховых заводов. 1895–1899 гг.

Рис. 8. Тула. Железнодорожный вокзал. Начало XX в.

Рис. 9. Подорожная — проездное свидетельство. 1866 г.

Рис. 10. Почтовая тройка на зимней дороге

СТАТСКИЙ СОВѢТНИКЪ
НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
ЛЕПЕШКИНЪ

Рис. 11. Купец Н. В. Лепёшкин,
попутчик Н. В. Лукницкого

Рис. 12. Почтовый экипаж отправляется в путь

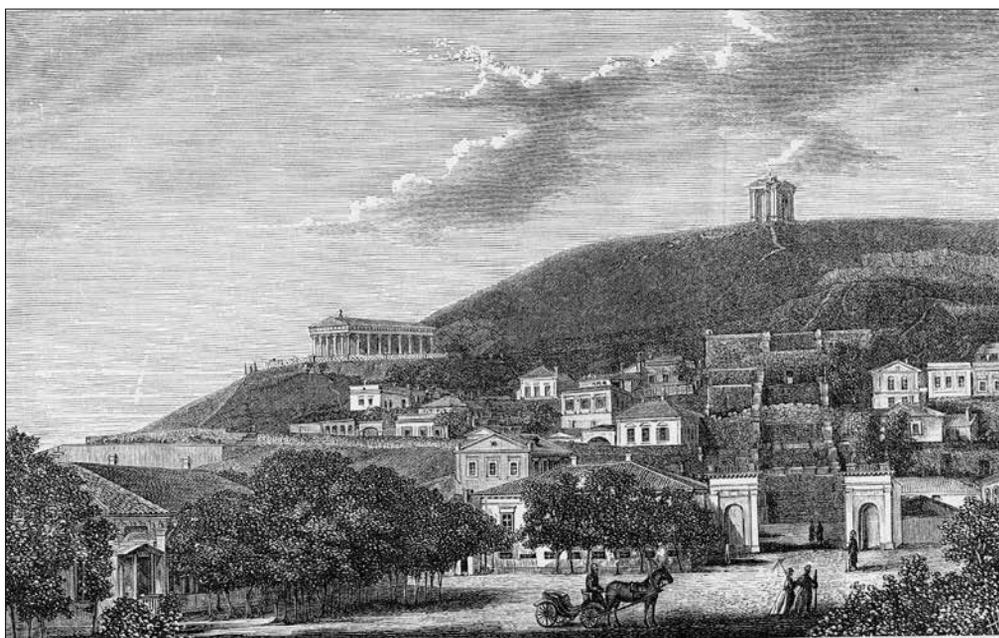

Рис. 13. Вид на Митридат с Предтеченской площади. Вторая половина XIX в.

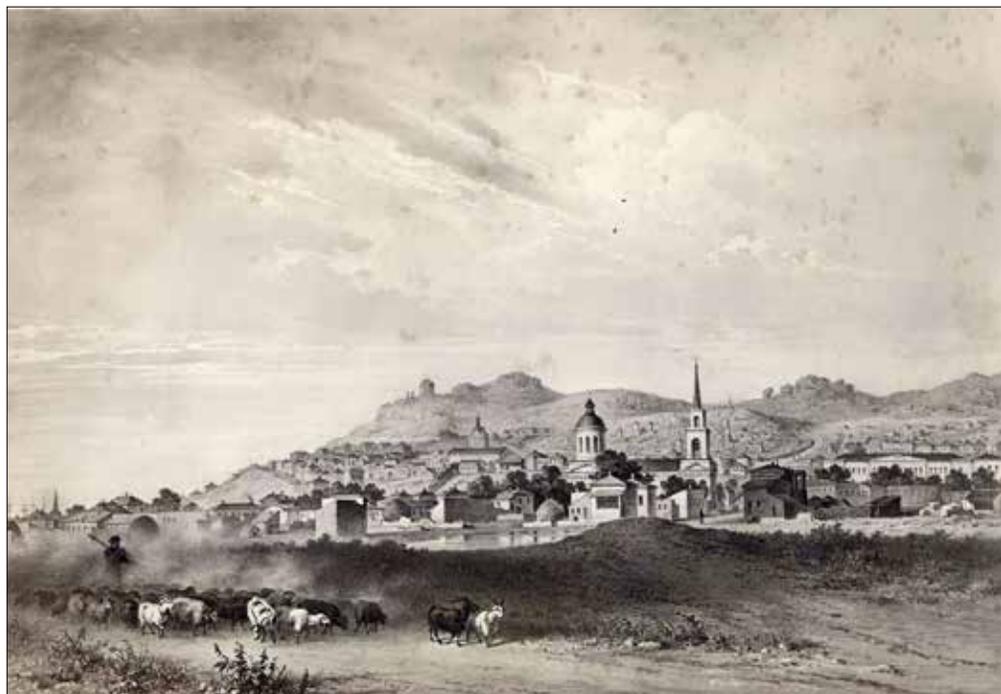

Рис. 14. Вид на Керчь со стороны Глиница. 1870-е гг.

Рис. 15. Вид на Митридат с Царской пристани. 1870-е гг. Фото К. Колпакчи

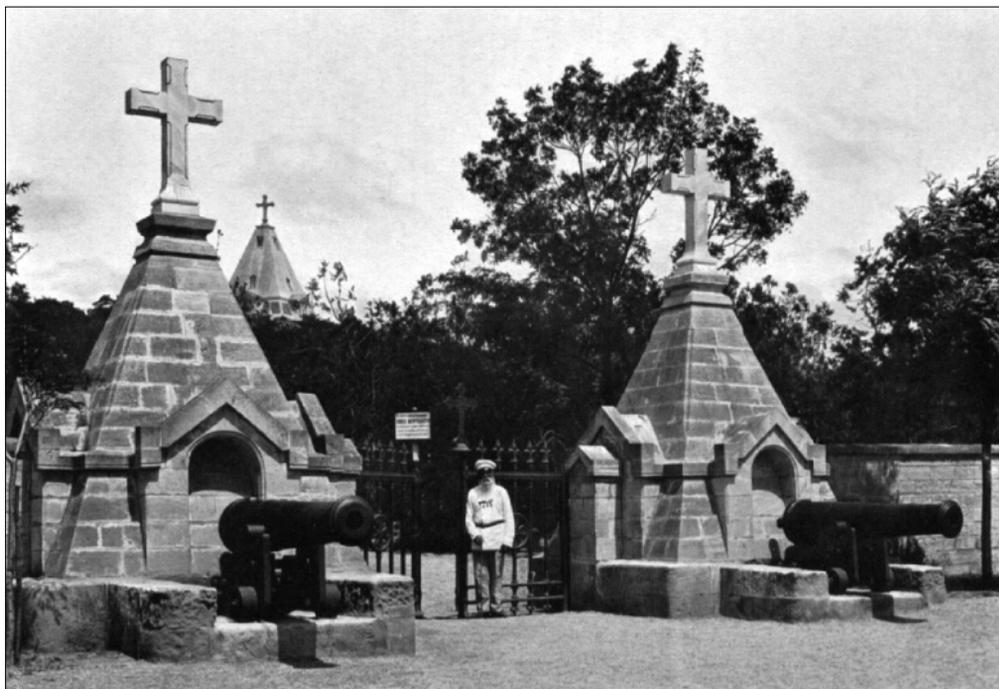

Рис. 16. Вход на Братское кладбище в Севастополе

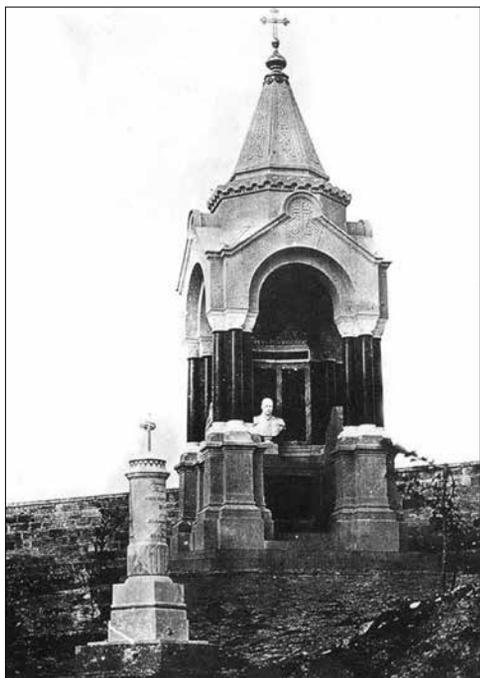

Рис. 17. Памятник князю М. Д. Горчакову на Братском кладбище

Рис. 18. Православная церковь на Братском кладбище

28 Сентября 51 Керчь
Получено 16 Октября 1869 г.
Дорогой папа

Платишь удачи и дам наша
всему брату. — Виноделие имеет
теперь, оно всемирно известное,
установлено в России и в других
и в других странах. Вина имеют го-
ворить. Не вина в это время
словами да, но посылать мне
Дать тебе кефир, ^и виноград
мелко нарезать, и есть у каждого
каждого вино должно иметь.
Но ты есть много да, но
кефир и не знаю чему при-
шлют мне. Здоров ли ты?
Даже и тебе и маме и у меня
есть из России. У меня.
Купил вино кефирное
и есть отсюда Кефирное
кефирное Кефирное Кефирное
Кефирное Кефирное, в Оружьи,
на это же кефирное кефирное

Рис. 19. Лист из письма Н. В. Лукницкого отцу. Керчь. 1869 г.